

ЕВРЕЙСКИЙ ДАМЕРТОН

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Наум ВАЙМАН

Я хочу поговорить о еврейской теме в стихах Мандельштама. Здесь, в Израиле, это мне кажется, по крайней мере, "уместным".

Литератор и переводчик Игорь Поступальский, кстати, в 1937 он был арестован как украинский националист и оказался солагерником Мандельштама, вышел после войны, так вот, он вспоминает, как в декабре 28-го года сделал "в узком кругу" доклад о творчестве поэта, который не понравился Мандельштаму, и тот спросил его: "А почему вы не написали о еврейской теме в моей жизни? Ведь эта тема для меня очень важна".

Специалист по Серебряному веку и биограф Мандельштама Олег Лекманов, который приводит этот эпизод, добавляет: "Долгие годы страшившийся и бежавший "хаоса иудейского", поэт теперь сознательно провозглашал свою принадлежность к этому "хаосу".

В письме Надежде Яковлевне от 17 февраля 1926 года поэт пишет о своей встрече с востоковедом Шилейко (кстати, второй муж Ахматовой): "Принял Шилейкино приглашение пить портер в пивной и полчаса с ним поси- дел: пил черный портер с ветчиной и слушал мудрые его речи... Я живучий, говорил я, а он сказал: да, на свою беду... А я сказал ему, что люблю только тебя... и евреев".

Заявление в пивной - это как речь в парламенте, дело нешуточное. Такое заявление совершенно немыслимо, например, для Пастернака или Бродского (беру для сравнения схожие по таланту величины). Разница в подходах к этой теме великих русских поэтов еврейского происхождения - отдельный и интересный вопрос, и он имеет отношение к нашему разговору.

Нынче большинство литературоведов уже сошлись на важности этой темы и в жизни, и в творчестве Мандельштама. Так, известный мандельштамовед Леонид Видгоф говорит в интервью Jewish.ru в 2015 году: "Еврейская тема входит в число ключевых в мире Мандельштама". А, скажем, Григорий Кружков, известный филолог и переводчик английской поэзии пишет в своей работе "Рубище певца:

ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМА В

ПОЭЗИИ МАНДЕЛЬШТАМА

Тезисы выступления 25.12.17 в Тель-Авиве в магазине "Бабель"

Адам. Париж, Музей Клуни - Национальный музей средневековья

Мандельштам и Йейтс": "недооценивать еврейскую тему у Мандельштама нельзя, здесь - один из важнейших, чувствительнейших нервов его поэзии".

В моей последней книге о Мандельштаме "Любовной лирики я никогда не знал..." есть такой фрагмент: "Тут уместно вспомнить известный обмен репликами между поэтом

Клычковым и Мандельштамом в пересказе В.С.Кузина: "А все-таки, Осип Эмильевич, мозги у вас еврейские", на что Сергей Антонович получает ответ: "Зато стихи русские". (В других вариантах пересказа: "Зато писатель я русский".) Так как будем определять национальность стихов: по языку ли по мозгам? И есть ли вообще у стихов "нация"? Во всяком случае, поэтов часто в

качестве духовных скреп вербуют на великое дело строительства национальной культуры, а значит, и национального государства..."

Писатель и журналист Алекс Тарн в своей очень толковой статье об этой моей книжке написал, как бы в ответ: "Конечно, у стихов нет нации. Зато у наций есть стихи - стихи, выражающие их, наций, мироощущение, ментальность, характер. И превосходная книга Наума Ваймана заставляет серьезно усомниться в том, что русские стихи О.Э.Мандельштама принадлежат в этом смысле именно русской нации. Это не значит, Боже упаси, что Вайман (как и автор этих строк) собирается заниматься перетягиванием каната в заведомо идиотской игре "Наш!" - "Нет, наш!".

Так вот, оставим этот "домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою": Ося - наш, и все тут! А заодно и Крым. Мы там раньше были.

Я как-то участвовал в телепередаче "Наши" с Новоженовым, и он спросил меня: "Как вы думаете, если бы Мандельштам дожил до наших дней, уехал бы он в Израиль?" Я тогда отшутился, да и кто его знает, в самом деле. А он таки приехал. Как-то я получаю письмо из Хайфы, мол, прочитал Вашу интересную книжку, приезжайте, поговорим, и подпись: Мандельштам. Я, конечно, помчался, открывается дверь и - передо мной, ну, живой Иосиф Эмильевич! Речь, конечно, об Александре Александровиче Мандельштаме, племяннике поэта, который, к глубочайшему сожалению, недавно ушел от нас. Он жил в Хайфе, и мне вот выпала честь и удача - в этом есть что-то мистическое - познакомиться с ним и с его замечательной супругой Анной Вениаминовной. Кроме прочего, он оставил свои воспоминания о семье Мандельштамов (когда поэт погиб, ему было только четыре года), замечательные по своей трогательной бесхитрости. Я помогал ему приготовить их к печати. А фамильное сходство с дядей было просто поразительным...

Это я насчет "общности крови". У меня было много споров с разными людьми на эту тему. Некоторые счита-

О СОВЕТСКОМ ВАРИАНТЕ "ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА"

Иосиф БЕГУН, Ханох ДАШЕВСКИЙ

В марте 1917 г. Временное правительство России отменило существовавшие в стране национальные ограничения. Для евреев это означало ликвидацию черты оседлости и равные со всеми права. То же провозгласили через несколько месяцев узурпировавшие власть большевики. В это время родным языком большинства русских евреев был идиш, а основой культуры - сложившаяся на религиозной основе многовековая национальная традиция. В то же время в духовной жизни российского еврейства довольно интенсивно развивались новые тенденции: изучение светских предметов в еврейских школах, изучение ТАНАХа (Библии) не только как сборника религиозных текстов, но и как части национальной культуры и истории, что объяснялось наметившимся во второй половине XIX в. стремлением выйти за рамки патриархального уклада. Распространение идей сионизма дало мощный импульс широкому развитию языка иврит. Тем не менее к моменту распада советской империи у еврейского народа в СССР уже давно не было ни собственного языка, ни культуры.

Как это могло случиться? Имел ли место по отношению к евреям национально-культурный геноцид, который, по определению, "выражается в мероприятиях и действиях, направленных против пользования национальным языком и против национальной культуры какой-либо группы населения"? В качестве примера часто приводится Турция, где физический геноцид армян в 1915-1916 гг. сопровождался и национально-культурным геноцидом, целью которого было стереть саму память о турецкой Армении. А что происходило с евреями в Советском Союзе?

Одним из первых документов советской власти была Декларация прав народов России, которая обещала свободное развитие национальных меньшинств. А титульным нациям больших регионов большевики гарантировали самоопределение вплоть до создания независимого государства, и кое-кто не замедлил этим воспользоваться. Утратив огромные территории и спохватившись, коммунисты вернули часть отделившихся путем вооруженной интервенции. На большее пока не хватило сил. Но зато автономную республику, область, округ, национальный район или хотя бы национальный сельсовет получили едва ли не все "разноликие", по выражению А.Блока, народы бывшей Российской империи. Даже кочевники сибирской тундры. Даже жители дремучих лесов Беломорья и Приуралья - экзотические остатки многочисленных до прихода

Советские евреи 1920 года

славян на эти земли коренных угро-финских племен.

У евреев не было отдельного участка на лоскутном этническом поле России, в черте оседлости они жили среди других народов и поэтому национальную республику или хотя бы автономную область получить не могли. Но в остальном большевики как будто не обманули "еврейских трудящихся". Идиш приобрел статус национального языка. На нем выходили газеты, печатались книги, велось преподавание в еврейских школах, ставились спектакли в еврейских театрах. До конца 20-х гг. еврейские буквы красовались на гербе Белорусской ССР и ордене Красного Знамени этой республики.

Правда, были "мелочи", которые, казалось бы, не заслуживали серьезного внимания, но именно с них и начался национально-культурный геноцид евреев в СССР независимо от того, являлось ли это сознательной политикой большевиков в первое десятилетие советской власти. Еще в 1919 г. Советы запретили иврит, объявив его "языком буржуазного национализма". В течение нескольких последующих лет были разогнаны сионистские партии и группы, запрещена литература на иврите, а те, кто писал на этом языке, были репрессированы. Подвергся гонениям иудаизм - оплот еврейского народа, его трехтысячелетнее наследие, за которое в былые времена отцы, не колеблясь, в буквальном смысле шли в огонь и в воду. "Но ведь иврит не является языком широких масс, и нужен только сионистам, а отношение к церкви у большевиков еще хуже, чем к синагоге", - убеждали и давали убедить себя многие. И хотя власть Советов стремилась вырвать из почвы два самых мощных корня, на которых стояло древо национального еврейского существования, значительная часть евреев готова была смириться с тем, что шестиконечную звезду (магендавид) сменила пятиконечная (пентаграмма) и даже поддержать больше-

виков. Ибо российские евреи давно уже не были монолитной общностью преданных Завету сынов Израиля.

Расслоение, начавшееся при царизме, разделило евреев на светских и религиозных, а светских, в свою очередь - на приверженцев национальных ценностей и сторонников ассимиляции, и потому осуществлять разгром национальных устоев было поручено евреям-коммунистам, а именно - еврейской секции при ЦК РКП(б). Ее руководитель Семен Диманштейн хорошо знал еврейскую традицию, с которой по заданию партии должен был бороться: он сам учился в знаменитой Воложинской иешиве. В 20-е гг. православие подвергалось еще более суровому преследованию, чем иудаизм, и евсекция требовала, чтобы отношение властей к еврейской религии было не менее жестким. (Интересно, что за пределами бывшей черты оседлости, где не действовали комиссары евсекции, ситуация была лучше, хотя и ненамного). Пройдя с метлой по еврейской улице, преследуя самоотверженно действовавших в подполье хасидов и "националистов", коммунисты вышли на оперативный простор и могли бы продвигаться в соответствии с классической марксистской догмой, не считавшей евреев нацией и потому не оставлявшей еврейскому народу иной возможности, кроме ассимиляции. Но в первые "романтические" годы советского режима еще не были истреблены в руководстве революционеры-идеалисты, серьезно относившиеся к провозглашенным большевиками принципам, в том числе и в области национальных отношений. Кроме того, новая власть столкнулась с жителями местечек, в большинстве не знавшими русского языка, поэтому в годы становления советского строя идиш был необходим, как проводник большевистского влияния на еврейские массы. Так появилась выполнявшая важную социальную задачу "еврейская советская культура", и возник новый, противоречив-

ший генеральной марксистской линии на ассимиляцию проект решения еврейского вопроса в СССР.

Внешне все выглядело так, словно именно большевики осуществляют вековые чаяния еврейского народа. Идея построить Красный Сион, дать советским евреям национальную территорию для компактного проживания была одобрена кремлевским руководством. Уже во второй половине 20-х гг. было создано несколько еврейских национальных районов, но тяжелое экономическое положение бывшей черты оседлости, массовое переселение ее жителей в большие города и вызванное этим усиление бытового антисемитизма навели на мысль заселить некую достаточно обширную территорию еврейским большинством. В Крыму, где в 20-е гг. была предпринята первая серьезная попытка такого рода, уже существовала автономная республика крымских татар, и ее руководители отчаянно сопротивлялись еврейской колонизации.

Тогда возник другой проект: поселить евреев на пустующих землях Дальнего Востока, создать форпост на неспокойной границе среди враждебного советской власти населения приамурских казачьих станиц. И крах этого проекта, нежелание евреев переселяться в тайгу, вызвали в Кремле разочарование и гнев. Тем не менее вождь народов и единоличный диктатор товарищ Сталин решил Еврейскую автономную область пока не упразднять: словно уже в те времена у него был свой вариант решения еврейского вопроса, который на исходе жизни он попытался осуществить, но - к счастью - не успел.

Мы уже упоминали о том, что в 20-30-х гг. даже у самого малого этноса на территории СССР был свой национальный район или, в крайнем случае, национальный сельсовет. В 1933 г. только в Российской Федерации таких районов насчитывалось 117, а сельсоветов - более 3 тысяч. И у евреев были национальные районы: на Украине, в Крыму. В 30-е гг. их ликвидировали. Явилось ли это следствием особой антиеврейской политики Сталина? Он стремился к созданию централизованного государства с формальной автономией для крупных областей. По этой причине все национальные районы и сельсоветы в 1937 г. перестали существовать, как "созданные врагами народа с сепаратистскими целями". Та же участь постигла действовавшие в этих районах национальные школы и печатные издания, выходившие на национальных языках - в том числе еврейские школы и еврейские издания. Это была новая национальная политика советской власти и лично Сталина, курс на возро-

ждение русского великодержавного шовинизма, но пока еще не особая антиеврейская политика.

Впрочем, ждать оставалось недолго. Временный союз двух злодеев, Гитлера и Сталина, вскоре переросший в самую кровавую в истории человечества войну, повлек за собой конкретные антиеврейские меры. Евреи были удалены из государственных учреждений, где, несмотря на Большой террор, еще существовала еврейская прослойка. Пакт со Сталиным позволил Гитлеру захватить большую часть Европы, но о преследовании евреев в оккупированных нацистами странах в Советском Союзе не упоминали. Публикации на эту тему были запрещены, фильмы сняты с экрана. Была закрыта всесоюзная еврейская газета "Дер эмес" ("Правда"). Но Государственный еврейский театр в Москве продолжал ставить спектакли. Работали уцелевшие в годы террора еврейские писатели. В этот период политика Сталина диктовалась интересами союза с Гитлером и личным антисемитизмом вождя, но пока еще не была направлена на полное истребление остатков еврейской культуры.

Переселявшиеся в крупные города из местечек евреи быстро ассимилировались в новой среде, перенимая русский язык и плотной массой устремляясь в русскую культуру. Молодые вырастали настоящими "советскими людьми" и становились благодатной основой, подлинной закваской формируемой сталинской пропагандой общности, которую уже в 30-х гг. стали называть "советским народом". Евреям, натерпевшимся при царизме, имевшим пышный букет национальных ограничений, ущемленным в правах, импонировала интернациональная демагогия большевиков. Они начинали чувствовать себя частью огромного механизма, в котором они будут крутиться вместе с другими роликами и шестеренками без всяких различий. В этом случае еврейское происхождение становилось обременительным, что теряло смысл для тех, кто стремился к интеграции в создаваемом новом обществе. Оторванные от богатой национальной культуры, которую заменил суррогат, эти евреи были яркими образцами нового "советского человека".

Необходимо сказать, что советская власть повсюду вела наступление на "буржуазный национализм", иными словами на традиции всех народов СССР, выхолащивая национальную культуру, придавая ей нужный коммунистам оттенок. Но коренные народы России цеплялись за землю, на которой они обитали, с которой была связана душа народного организма, а у евреев утраченную историческую родину заменяла национально-религиозная традиция, и, лишённые этой традиции, они теряли еврейскую душу. Это и был подлинный национально-культурный геноцид, и нам не важно, являлось ли это побочным следствием национальной политики идейных революционеров-большевиков в первые послереволюционные годы или прямым результатом более поздней, замешанной на великодержавном русском шовинизме, национальной политики Сталина.

Была ли в этом вина самих евреев? Мы уже говорили, что ассимиляционные и атеистические тенденции преобладали в еврейской среде, но даже будь все по-другому -

Советские евреи 1959 года

советская власть умела расправляться с непокорными.

С закрытием в 1938 г. последней еврейской школы стало ясно, что у языка идиш и у культуры на этом языке в СССР никакого будущего нет. Отдавали ли себе в этом отчет оставшиеся в живых и на свободе деятели "еврейской советской культуры"? Понимали ли они, что весьма скоро уже никому будет читать еврейские книги и ходить на еврейские спектакли? Осознавали ли они, уважаемые и награжденные, что, невзирая на их творческую деятельность на еврейском языке, они выполняют политический заказ, что духовное состояние евреев в СССР, несмотря на громкие декларации, еще хуже, чем в погромной царской России. Царское правительство терзало физическое тело еврейства, но почти не покушалось на духовную свободу, а советская власть делала наоборот, превращая евреев в манкуртов. Сознательное отторжение многих представителей нашей алии от еврейской традиции - прямое следствие этого, хотя существует и другая тенденция - возвращение к истокам.

Разразившаяся война дала дополнительный импульс сталинской политике, привела к всплеску русского национализма. Ничего другого и быть не могло. Выиграть такую войну можно было, только воздействуя на национальные чувства самого главного и многочисленного народа страны. Это сопровождалось замалчиванием героической роли евреев в этой войне и фактов массового уничтожения еврейского населения на оккупированных территориях. В корреспонденциях и сводках говорилось об убийствах советских граждан и почти ни слова о нацистском плане тотального истребления еврейского народа. Только в предназначенных для Запада агитационных документах созданного с пропагандистской целью Еврейского антифашистского комитета говорилось о героизме и страданиях евреев.

Одной из первых государственных атак на евреев был направленный в августе 1942 г. секретарям ЦК ВКП(б) меморандум Александрова - одного из ведущих партийных идеологов, возглавлявшего Отдел агитации и пропаганды Центрального Комитета.

Касался он творческой интеллигенции и озаглавлен был нейтрально: "О подборе и выдвижении кадров в искусстве". Документ обращал внимание руководства страны на преобладание "нерусских людей" (читай "евреев") в органах управления советской культуры. Прилагались списки, которые мо-

гли бы сделать честь гитлеровскому министру по делам Восточных территорий Розенбергу. Особенно сетовал Александров на то, что "нерусские музыкальные критики" хвалят только евреев и игнорируют русских музыкантов и композиторов. Рекомендовалось выдвигать русских людей и "уже сейчас" произвести частичное обновление руководящих кадров.

Необходимо сказать, что сентенции Александрова не были беспочвенными: непомерно много евреев, не жалея сил, возделывали благодатное поле русской культуры. О том, что раньше или позже они могут получить за свою деятельность особое "поощрение", большинство из них не задумывалось.

Складывалась пикантная ситуация: в августе 1942 года немецкие дивизии окружали Сталинград, а у начальника агитпропа не было большей заботы, чем подняться на борьбу с "еврейским засильем в русской культуре". Разумеется, это не могло быть его личной инициативой, но говорило о том, что функционер Александров осуществлял чью-то высшую волю. И это помогает сегодня понять, как постепенно и продуманно действовал Сталин, намереваясь "окончательно решить" еврейский вопрос в СССР.

Но поскольку во время войны евреи были пока еще нужны, да и на союзников надо было производить приятное впечатление, всесоюзный погром пришелся на послевоенные годы. И тут были свои этапы, главными из которых являлись дальнейшее вытеснение евреев из русского культурного поля, и то, что имеет непосредственное отношение к нашей теме национально-культурного геноцида: окончательная ликвидация культуры на идиш, которая закончилась физическим уничтожением наиболее талантливых представителей этой культуры и разгромом Еврейского антифашистского комитета, ставшего, фактически, но неофициально, национальным еврейским органом. Знаменитое "дело врачей" и задуманная вслед за их казнью депортация еврейского населения должны были, по замыслу Сталина, привести к гибели большей части депортируемых. В Советском Союзе много писали и говорили о тирании русских царей-самодержцев. Но даже у них не было такой власти, как у Сталина. Власть, не знавшей ограничений. Кроме одного-единственного - смерти правителя.

Внезапная кончина советского монарха спасла еврейский народ. Те, кому посчастливилось уцелеть в застенках, вернулись

домой, но последствия осуществленного Сталиным духовного уничтожения никто и не думал исправлять. Напуганные реальной близостью изгнания и погромов там, где их меньше всего ожидали, евреи боялись говорить на идиш, а многие старались скрыть свое происхождение и так же воспитывали детей. Стало стыдно быть евреем, и большинство евреев СССР ощущали на себе незримое клеймо.

В стране была оттепель. Со скрипом, очень медленно, не более чем на четверть оборота, стали поворачиваться жернова десталинизации, но к евреям это почти не имело отношения. Замученные поэты и писатели, артисты и общественные деятели были реабилитированы, но о том, что с ними произошло, нельзя было говорить вслух. В 60-х гг. были изданы произведения Переца Маркиша в переводе на русский язык. В предисловии к сборнику было сказано о смерти поэта следующее: "В 1952 году Маркиш трагически погиб. Тьма, которой он страстно противостоял, сомкнулась над ним". Почему погиб выдающийся еврейский поэт? Какая тьма в послевоенное мирное время сомкнулась над ним и над его соратниками - еврейскими писателями? Об этом ни слова, но в процитированных выше строках не было лжи: Перец Маркиш трагически погиб, и его смерть окутала тьма. Тьма постыдного и трусливого молчания.

В 50-е гг. о еврейском государстве в СССР писали немного и вскользь, и советские евреи знали: Израиль - милитарист и агрессор, возмутитель спокойствия на Ближнем Востоке. В середине 60-х ситуация стала немного лучше, и в Советский Союз были допущены артисты израильской эстрады. Их гастроли превратились в волнуемую демонстрацию национальной солидарности, в настоящую "радость со слезами на глазах", хотя подавляющее большинство зрителей не знало иврита, а многие - идиша. Тот, кто был свидетелем этих событий, видел внезапный взлет казалось бы надежно загнанной в угол еврейской души. И хотя власть сделала соответствующий вывод, и больше подобная история не повторялась, процесс возрождения национального самосознания евреев СССР начался. Блестящая, поразившая весь мир победа Израиля в Шестидневной войне ускорила его. Возникло национальное движение. Оно не ограничилось борьбой за выезд в еврейское государство, но сосредоточило усилия на возвращение в еврейскую среду национальной культуры.

Власти обрушили репрессии. За простое изучение иврита, а тем более за преподавание языка и распространение материалов культурно-исторического характера можно было поплатиться карьерой, положением, а то и свободой. И если это не было национально-культурным геноцидом, то чем же это было?

Но еврейская история имеет характерную особенность. Каким бы трудным ни было положение евреев, раньше или позже приходит спасение. Какими бы впечатляющими ни были временные успехи ненавистников еврейского народа, все их усилия обречены на провал. Так было везде и всегда. Еврейская кость прочно застряла в горле Советского Союза, и явилась одной из причин его гибели.

ВИКТОР ВАВИЧ

Отрывки из романа

Борис Степанович Житков писал роман "Виктор Вавич", который считал главным делом своей жизни, пять лет - с 1929-го по 1934 год. Умер, не дожив до 60-ти, в 1938 году. В 1941-м стараниями друзей писателя книга была издана. Ее тираж лежал на складе издательства в ожидании вердикта руководителя Союза писателей СССР Александра Фадеева.

Прочитав книгу, Фадеев сочинил следующий текст: "Эта книга, написанная очень талантливым человеком, изобилующая рядом прекрасных психологических наблюдений и картин предреволюционного быта, страдает двумя крупнейшими недостатками, которые мешают ей увидеть свет, особенно в наши дни (начало войны. - М.В.): 1. Ее основной персонаж, жизнеописание которого сильно окрашивает книгу, Виктор Вавич - глупый карьерист, жалкая и страшная душонка, а это в соединении с описаниями полицейских управлений, охранки, предательства делает всю книгу не импонирующей переживаемым нами событиям. 2. Социал-демократии автор не понимает, эсерствующим и анархистствующим идеализирует".

Весь тираж был пущен под нож. Сохранились лишь два экземпляра: один - Лидия Корнеевна Чуковская выкрала из типографии, другой был направлен в "Ленинку".

Борис Леонидович Пастернак, прочитав "Вавича", сказал: "Это лучшая книга о русской революции". Знал, что говорил. Ведь события, описанные им в "Докторе Живаго", захватывают тот же исторический период - начало века. Невольно сравниваешь эти два эпохальные творения. Роман Пастернака, конечно, очень украшают и усиливают гениальные "стихи доктора Живаго", но, если говорить о прозе, я бы отдал предпочтение "Виктору Вавичу", совершенному композиционно и стилистически близкому к лапидарной и поэтически образной модернистской прозе 20-х годов. Не говоря уже о том, что Борис Степанович знал многие описываемые в романе обстоятельства не понаслышке, а что касается событий, то зачастую бывал не только их свидетелем, но и участником.

Сын революционно настроенного преподавателя, он еще в раннем детстве много ездил по стране. Наконец семья обосновалась в Одессе. Там Борис был отдан во французскую школу, а затем поступил в гимназию, где учился в одном классе с Корнеем Чуковским. Корней Иванович впослед-

ствии написал: "Житков мой кумир в детстве. Во всем". И то сказать: отличный математик, он прекрасно разбирался в литературе, играл на скрипке, танцевал, ходил под парусом (впоследствии сдал экзамен на штурмана дальнего плавания и участвовал в кругосветном путешествии), но главное - обладал обостренным чувством справедливости и был абсолютно бесстрашен.

В 1900 году поступил на физмат одесского Новороссийского университета, затем перевелся на естественный факультет. Университет закончил с дипломом химика. Так что описание в "Вавиче" "подозрительных" химических опытов перед изготовлением взрывчатого устройства осуществлено профессионалом.

Начиная с 1905 года Борис Житков ушел в революцию, принял участие во флотских бунтах и состоял в одесской дружине самообороны, борющейся с еврейскими погромами. Более того, он помогал своему приятелю Владимиру Жаботинскому эту дружину создавать. Впоследствии, описывая в "Вавиче" еврейский погром, он не только соотносит его с погромом, в юмористически-издевательском тоне описанном Гоголем в "Тарасе Бульбе", но и с ядовитым комментарием по данному поводу своего друга Владимира Жаботинского и его претензиями к автору повести.

После университета много путешествовал, участвовал в экспедициях в Сибири, в 1910 году побывал в Дании, где, между прочим, познакомился с В.И. Лениным.

Закончив Петербургский политехнический институт, работал на верфях Архангельска и Николаева, а после революции 1917 года - инженером в одесской гавани.

С 1923 года - в Питере. Друг детства Корней Чуковский, принимая во внимание его "бывалость" и незаурядное мастерство устного рассказчика, привлек Бориса Житкова к литературной работе, и тот стал очень интересным и востребованным детским писателем. Однако жил он замыслом, а затем и исполнением своего романа.

Писал его безостановочно, нетерпеливо и в 1934 году перебрался в Москву уже будучи автором 600-страничного прозаического полотна. Отдельные главы печатались в ленинградской периодике, но до издания книги по понятным причинам дело не доходило.

Место действия романа - неназванный южный город, входящий в черту оседлости. Много евреев. В основном торговцы, ремесленники. Один из героев Израэльсон становится флейтистом лишь потому, что не удалось стать часовым мастером. Имеется дантистка Лейбович. И даже проститутка Женья.

Владислав Ходасевич писал об одном из центральных героев романа Викторе Вавиче: "Вавич описан совсем не зверем, скорее обывателем", который по ходу действия "грубеет, наглет и обнаруживает худшие стороны своей природы". Он полицейский, квартальный надзиратель. Роман густо населен: бунтующие заводские рабочие и студенты, государственные чиновники, тюремные надзиратели, дворники, извозчики, стукачи, бомбисты, пыточных дел мастера, полиция и охранка. Все идейные брожения подпитываются надеждой на смутно представляемое "светлое будущее", сбываться которому мешают, конечно же, евреи. Стоит их уничтожить - и настанет райская жизнь. Полиция и охранка не только инспирируют еврейские погромы, но и принуждают своих сотрудников и прихлебателей, переодевшись в гражданскую одежду, активно в них участвовать. Будничность и публичность живодерства и глумления над людьми никого не удивляет, пассивные свидетели сочувствуют убийцам...

Конечно, Житков понимал, в какой стране живет, но тем не менее пренебрег негласным общественным договором - смягчать жестокость погромщиков.

Автору "Вавича" не повезло. Своей книги при жизни он так и не увидел. Полностью, без цензурных искажений, она была издана лишь в 1999 году, через 65 лет после написания.

Тем более важно сегодня привлечь к этому уникальному литературному явлению внимание наших читателей. И не только по причине его литературных достоинств. Но и как возможности приобщиться к честному и нелицеприятному свидетельству о времени замечательного писателя, защитника бесправных и гонимых Бориса Степановича Житкова.

Марк Вейцман

Борис ЖИТКОВ

Публикуемый текст - кульминация романа. Речь идет о еврейском погроме после подписания царем манифеста. На квартиру к полицейскому, квартальному надзирателю Вавичу, является его сотрудник и собутыльник Сеньковский и передает негласный приказ - переодевшись в гражданскую одежду, принять участие в беспорядках. Персонаж второго отрывка

- студент-химик Санька, член вооруженной студенческой группы, стремящейся противостоять погромщикам и казакам.

- Водки - живо! - говорил Виктор Фроське. - И дворника позови!

Сеньковский отхлебнул из стакана.

- Видал, какую тут жида блевотину развели?

- Ну?

- Ну так сегодня же ночью сдачи! В

пощелкал пальцем по пустому графину.

- Отвечаешь?

- Жидовкам можешь пузо пороть вот от сих пор - и по сие время! - и Сеньковский чиркнул себя пальцем. - А кишки можешь на руку наматывать...

Но в это время распахнулась дверь, и Груня толкнулась, стала и выпученными глазами глядела на Сеньковского, бледная, и двигала без слов открытым ртом.

- Что? Ты что сказал? Сволочь! - крикнула Груня и плюнула в лицо Сеньковскому, толкнула Виктора и стремглав выбежала из столовой...

Дворник снял шапку и застучал сапогами по коридору. Сеньковский закрыл за дворником дверь.

- Ты вот что... Ты должен доставить сюда фуражку вольную, штаны и свитку там или пальтишко вот на господина надзирателя. Понял? И смотри мне, сукин сын, чтоб ни гу-гу! А то знаешь - шкуру с живого сдеру! Пшол...

- Да напяливай, напяливай! - дергал Сеньковский Виктора за ворот. - Во, во как! Стой, ворот подыму!

- Витя! - Груня шагнула и руку одну выставила вперед.

- Да мы пройдемся, поглядим там. Мы скоро назад...

Они вышли на пустые улицы, и свет в окнах, теплый уютный свет, и где-то за окном пели хором. Виктор повернул голову на свет на песню, погладил глазами окно.

- Вот сейчас по-другому запоют, ух, началось! - Сеньковский больно ткнул большим пальцем Виктора под ребра.

Было тепло, фонарей не зажигали. Кое-где у ворот глухо гудели кучки народа.

- Постовой! - и Сеньковский кивнул головой на студента на мостовой. - Снять, что ли? Или рано?

Виктор молча вертел головой.

Они свернули на улицу, где прямо в конце металось красное зарево, будто тело вырваться, звало на помощь.

- Господа! Господа! - голосом таким отчаянным, бабьим каким-то кричал длинный, верста коломенская. - Господа! Вы туда? Там евреев избивают. Я тоже на помощь.

Знакомый голос, противный. Вавич не вспомнил, откуда это, не узнал Башкина.

Сеньковский вдруг остановился. Башкин нагнал, запыхался.

- Господа, спешим, может быть, мы...

- Ишь, полтора жид! - и Сеньковский с размаху ударил Башкина в ухо.

Башкин схватился за голову, падал на Вавича.

- Принимай! - крикнул Сеньковский, и Вавич всю досаду вправил в руку и саданул Башкина в бок. Башкин рухнул на землю, раскинул руки.

- Так, - сказал Сеньковский. - Почин!

В это время пламя взметнулось кустом и красным отсветом дунуло в черную улицу. И вот густым гулом ухнул взрыв и следом далекий визг толпы.

Они бежали через пустую площадь, и уже в окнах мелькали пугливые огни и хлопали калитки, и только слышно было, как шлепали ноги, как перебежали перед домами люди.

- Забегали... таракашки! - запыхавшимся голосом подкрикивал Сеньковский. Он топал вверх, в гору, и Виктор слышал через крик и выкрики, как гудел говор во дворах за низкими заборами и, как языки пламени, звенели крики поверх гула.

Дзлям! - и впереди в окне зазвенели стекла, и как сигнал ударило в душу. К чертям! Посыпалось береженое. Бей! И Виктор сжал кулак.

Вон бегут, бегут - с факелом - ножка от мебели и горит сверху рогожа.

- Бей жидов! Мать их в душу... - и вон с маху ломом, ух, дядя какой садит в рамы. Вывеска - "Бакалейная".

И вот неистовая нота, отчаянная, острым колом впилась в воздух, и на миг стихло все, и вокруг рванул гул ревом, трещали, взвизгивали двери.

Виктор видел, как подсаживали трое дверь ломом - водопроводной трубой, подбежал, рев вошел в грудь, и Виктор дернул лом - сюда, сюда! И засадил у петли.

- Вали, вали!

Красный свет мелькал, мутил тени, едо несло керосином - ух, еще, еще!

Гу-у - лопнуло. Дверь отскочила, повисла криво над крыльцом.

- Рви! - заорал Виктор.

Он дергал дверь, не жалея рук, и вдруг женщина, старуха, кинулась из дверей и стала над ступенями, всклокоченная, рваная, глаза выпучены и руки подняла, вверх вытянула, будто в бездну бросается, рот открыла, кричит, что ли, и трясет в стороны головой.

- Не-е-е! - слышал Виктор, держал дверь, глядел, как страшно мазал свет по лицу старухи, и вдруг визгнул голос: "Бей!" - и сзади махнул лом, и старуха, как бумажная, хлопнулась ничком на ступени.

- Бей их! Га-а! - и уже мимо Виктора из окон что-то летело, и Виктор поддавал ногой какие-то банки, а там рвались, давились, топтались в дверях, и с дребезгом летело что-то из окон.

И вдруг - вой в одну ноту. И вон вверх кричат:

- Давай сюдой! Разом!

Виктор глянул - факел метался по крыше, и носились тени.

- Ловят, ловят! Держи! - всем голосом рявкнул Виктор.

- Гу-у! - дохнула толпа.

Виктор понял - поймали. Стукнулся в темноте о жестянку - бегом за дом, где тут на чердак, на крышу?

На улице вдруг взвился крик, завился, как хохот.

Виктор бросился назад, к воротам, задрал голову, глядел вверх, на крышу. Какое-то тело держали за ноги, за руки, раскачивали у самого края, и мотались внизу фалды.

Визгнули внизу:

- И-и! Задержался, задержался ногами. Ишь, задрыгал! Держи-и!

- Кидай, кидай! - кричали за воротами.

Ух, размахнули, метнули в воздухе и с разлету вниз. И на миг смолкла толпа.

- Ой, тателе! - пронзительно крикнул сзади женский крик.

Виктор дернулся, стало дыхание, и мигом мимо мелькнула, толкнув Виктора на лету.

Жертвы еврейского погрома

- Ай-ай-йа! - и вырвался голос с душой вместе.

Ревом взрыло толпу, и рев накрыл все. Виктор выскочил за ворота. Красным светом кидало с той стороны, напротив полыхала крыша, огонь метался на ветру, взмахивали языки.

- Ой, пустите, ой, где папочка? Пустите! - рвался голос через весь рев. И вон кучей возятся. Вавич двинулся на крик, и вдруг опрометью мимо в нашлепку Сеньковский, чуть не сбил с ног, врезался в кучу. Виктора отшибло под окно, тяжелый ящик стукнул в плечо - швырнули из окна, рассыпалось.

- Костыли! Вали, туды его в веру! - Виктор едва отскочил - тяжелый мешок валили из окна.

- Давай-давай! - кричат из ворот, и только тошная женская нота висит, не падает. И опять Сеньковский. Ух, юрко сбил кого-то, хватает с земли.

- Стой! Стой! - орет туда к воротам. Виктор с забившимся духом протискивается туда, где кричала девушка.

- Ой, сестру, ой, не убивайте, не надо, ой, не надо! Больная! - и вдруг завизжала, и голос тонким ножом вонзился в гул.

Виктор был совсем уж близко, рвался, не мог пробить гущи, не видел, что делают, и слышал стук: ухали ворота.

- Давай сюда костыль! Давай, туды твою в доски! - и заорали сразу, ударом рявкнули голоса - и быстрее застучало, зашпешило.

- Давай костыль!.. Враздрай ее, враскоряч!.. - слышал Виктор. Визгнул голос.

- Га! Гу-ух! - орал над Виктором с крыльца, глядели красными лицами туда через голову, на ворота. Пялились, тискались наперебой. Слетел один.

- Что? Что? - тербил его Виктор, рвал за ворот, кричал в ухо: - Что?!

- Жидовку... На ворота!.. Прибили! Ух, треплють!

И вдруг рожок медным голосом, и затрясся сигнал над головами. Вавич дернулся, и голова ушла в плечи.

- Фу! Это пожарные!

Вот стали и дымят факелы. Не пускают, не проехать. И с грохотом и скрежетом рухнула крыша напротив, присело пламя.

- Ураа! - гаркнула толпа.

- Жидов, туды их в кровину, бей! Бей! - вопил над ухом Виктора пьяный голос. - Бее-е-ей-йя!

Виктор рванулся вперед. Какой-то парнишка тискался, две кухонных лампы в руке над головой, и вдруг толпа метнулась навстречу, дернулась. Виктор услышал через крик сухой стук, и крик спал на миг, и ясно ударили два выстрела: серьезно, строго хлопнули выстрелы.

- Жиды стреляют! А-а-а! - и высокий вой ветром подул по толпе.

- Где, где? - кричал Виктор и рвался под стенкой вперед, а мимо бежали, спотыкались, и уж чисто впереди, вон огонек пыхнул - дах! - и еще и еще, с другой стороны.

Виктор вытащил наган и крепко зажал в руке. Опять огонек впереди, и Виктор крепко нажал курок - не нажал, рванул горючей рукой.

- А, так вашу смерть... - шептал Виктор. И вдруг сзади выстрел. Виктор оглянулся. Пожар пылал. Кто-то бегом топал сзади.

- За крыльцо! Дурак! - голос запыхавшийся. - Вон еще бегут.

Сеньковский и Виктор два раза подряд выстрелили в темноту. И часто-часто застучали выстрелы, и отскочила щепенка от крыльца.

- А, сволочь жидовская! - и зубы скрипели у Виктора. Он стоял в раост и стрелял, и на ощупь перезаряжал наган.

- Назад, назад, болван! - Сеньковский дергал за спину. Еще какие-то толпились кучкой сзади. - Назад! - и Сеньковский рывком повернул Виктора за рукав. Дап! Дал-дап! - и огоньки сеялись из темноты.

- Господин надзиратель! Налезо в проулок!

Виктор упирался, но уж и второй тянул его за локоть, и Сеньковский дышал перегаром в лицо:

- Ходом!

Виктор наткнулся на хлам, на ящики и вдруг глянул вбок - те ворота - и раскинула руки и ноги... висит, как чудом, как приклеенная, и увидал - черным колом торчал костыль из ладони.

- Ходом! Пошли, пошли! - и Сеньковский дернул Виктора вперед.

Ворота чуть приоткрылись, и Санька ступил в переулок. И в ту же минуту сверху, с балкона напротив: "Дап! Дап!" - стукнули револьверные выстрелы. Санька видел, как человек совсем присел к балкону и стрелял через решетку, руку вбок.

Стреляли туда, где стояли у городского сада казаки. И толпа отхлынула за угол.

Санька сделал несколько шагов под стенкой, и вдруг сзади в проулке громом ударили, лопались выстрелы. Санька вжался в стенку, в дом. Он видел краем глаза, как стреляли с коней казаки, и ворота напротив.

Старик-еврей, с белой бородой, худыми белыми пальцами царапал железные ворота.

Заклацали подковы, казак едет, карабин в руке, увидит, сейчас увидит...

- Что стоишь? Жид, что ли? Эй! - Санька это кричит и карабин поднял. - Крестись, такая мать, коли не жид!

Санька смотрел в самые глаза казаку, за десять шагов видел, как рядом серые глаза со смешком.

- Жид?

Санька перекрестился. И без веса рука, как воздухом обмахнул себя Санька. Казак повернулся на месте, все лицом к Саньке и рысью тронул назад.

...Офицер торчит над толпой, избочился на коне. Вон несут, тычут что-то вверх офицеру. Санька видел, как блеснул большой будильник. Офицер взял в руки и вдруг размахнулся и с размаху шаркнул будильник.

...Санька уже подходил к углу, и не в ухо, а во все тело сразу ударил крик оттуда, из-за угла, рык с кровью в глотках. И вдруг топот за углом, и вылетел человек без шапки, и глаза, как вставленные, и следом вразброд топали, свистели, пронеслись.

Санька отвернулся и быстро шагнул дальше, за угол. Бросают что-то с балкона, валят кучами, и внизу режут, скачут - чего это скачут на одной ноге? Это брюки валят из "готового платья" - надевают брюки, скачут.

И вдруг глаза упали вбок, на край тротуара - человек лежит, тушей вмяк в камне.

У Саньки глаза хотели втянуться назад, в голову, пятились и не могли отойти от крови. Он глядел, куда выйти, и рука вздрагивала под подбородком, где держал воротник.

Санька выворачивался из толпы, горячим потом сперло вокруг, и рядом кричал кто-то хрипло в ухо:

- Ух, угара! Поклал жиденят у корыто, толчет прямо, ей-бога, у капусту - двоих.

...И вдруг все зашатались, кричат сверху - свист, и все шарахнулись. Санька побегал, а следом за ним черное мелькнуло в воздухе. Санька успел увидеть пианино, и грохнуло сзади, как взрыв, и неистовый крик и свист в толпе, и сразу треск и стекольный всхлип пошел по площади...

И вдруг - кто это из-за угла навстречу? Студенты? Ну да, сумасшедшие! Идут быстро, гуськом, по двое, по трое. Красные лица какие! - вон впереди в расстегнутой шинели, всеми глазами смотрит вперед - и револьвер, огромный револьвер вниз опустил в руке.

- Рыбаков!

...И вот поднял руку Рыбаков, сейчас выстрелит... Готово! Дымок дунул из револьвера - не слышно выстрела за ревом - и все пошли палить прямо в толпу, в орво, в треск...

Окончание. Начало на стр.1

Памятник Осипу Мандельштаму в Воронеже

ют идею "общности крови" расизмом. Но скажите, когда вы смотрите на родного вам человека: сына или дочь, внука или внуку, и вдруг видите общие черты с вашими родителями, с вашими дедушками и бабушками, более того, когда вы видите эти общие черты и в дальних родственниках или просто сородичах, разве вас не охватывает трепет тайны рода, этой бессмертной и нерушимой связи, которая будто прорастает во все стороны в лицах, жестах, формах рук и ног? Какие-то доктринеры назовут это расизмом? Да пусть называют как хотят, клеят какие угодно идеологические ярлыки, - это живая, реальная связь. Особенно в том случае, когда эта связь скреплена общей судьбой. И вы меня извините, но я вам сейчас очень умную вещь скажу: культуры - цветы рас. Раса создает культуру, а не культура расу, давайте не будем ставить все с ног на голову. Да, конечно, когда культура уже существует, она воспитывает, поддерживает и, можно сказать формирует народ. Но она не с потолка берется, а из почвы. Да, из крови и почвы. В музее Клюни в Париже есть средневековая скульптура, которая называется "Адам": обнаженный мужчина, у которого детородный орган прорастает в землю мощным стволом с узловатыми корнями. Что-то

вроде мандрагоры. Семиотика семиотикой, но не надо забывать, откуда ноги растут. "Роза землю была", писал Мандельштам.

Увы, и сегодня, как и во времена Мандельштама, очень многие люди, причем имеющие влияние и власть, пытаются поставить этот мир с ног на голову (я уж не говорю о других позах). Так вот, Мандельштам к ним не принадлежал. Для него и культура передавалась через кровь, в "Шуме времени" он пишет о книжном шкафу, где лежали пластами еврейские, немецкие и русские книги: "Это странная маленькая библиотека, как геологическое напластование... этот шкафчик был историей духовного напряжения целого рода и прививки к нему чужой крови".

Его восприятие мира было очень "физиологическим". Средневековье и его поразительную архитектуру он любил именно за это, как он писал, "физиологичность". Он сравнивал готические соборы с растущими деревьями. Вот его, можно сказать, программное стихотворение 1915 года - "Нотр-Дам":

*"Где римский судья судил чужой народ -
Стоит базилика, и - радостный и первый*

*Как некогда Адам, распластывая нервы,
Играет мышцами крестовый
легкий свод.*

*Но выдает себя снаружи тайный план,
Здесь позаботилась подпружных
арок сила,
Чтоб масса грузная стены не сокрушила,
И свода дерзкого бездействует таран.*

*Стихийный лабиринт,
непостижимый лес,
Души готической рассудочная пропасть,
Египетская мощь
и христианства робость,
С тростинкой рядом - дуб,
и всюду царь - отвес.*

*Но чем внимательней,
твердыня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра, -
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам...*

Прошу особо обратить внимание на эту "физиологию" храма: "чудовищные ребра", "распластанные нервы", крестовый свод, "играющий мышцами", а также - на "лес", очень частотный образ у поэта, потому что все растет, как дерево, и - на "тайный план". Вяч.Вс. Иванов, авторитет в культуре - выше некуда, пишет в предисловии к Полному собранию сочинений поэта о его "биологической концепции искусства": "Он хотел вернуться к XIII веку, когда готический собор казался "логическим развитием концепции организ-

ма". Мандельштаму мечталась такая новая поэтика, которая и словесные образы понимала бы как органы организма".

Сам Мандельштам писал в статье "О природе слова", что словесные представления "можно рассматривать не только как объективную данность сознания, но и как органы человека, совершенно так же точно, как печень, сердце".

Мир для Мандельштама - растущий лес. Не случайно поэт интересовался биологией и на этой почве подружился с Борисом Сергеевичем Кузиным, не случаен его интерес к ламаркизму, достаточно вспомнить стихотворение "Ламарк". А Ламарк учил, что физические признаки не только приобретаются в течение жизни, но и наследуются, Мандельштам и писал, что природа - черновик, она "учится" и меняется вследствие обучения! Поэтому Ламарк у него - "за честь природы фехтовальщик". И он близко, как свое, воспринял философию Бергсона, у которого в основе всего есть "тайный план", алан витель - жизненный порыв.

Все это я к тому, что Мандельштам был не просто "певцом сладкоречивым", а был глубоким и острым мыслителем. Лично мне именно это интересно. Мне интересна мысль и формы ее записи. В этом смысле я семиотик, если угодно. И мне кажется, что это глубоко "еврейский" интерес. Поскольку еврейская культура возникла и создавалась, и так вошла в общемировую как культура письменная, семиотическая. Мандельштам совсем не случайно называл себя "смысловиком". И в эпоху, когда эксперименты с формой стали содержанием искусства, он остался верен "смыслам".

Как пишет в своей новой книге Лев Городецкий, "вся еврейская диаспоральная цивилизация есть, в сущности, "цивилизация Текста и Метафоры"! И я бы сказал, что хотя бы в этом смысле Мандельштам - глубоко национальный, еврейский поэт, именно в смысле культуры.

Вот, знаете, на ловца и зверь бежит, как раз на днях Городецкий прислал мне письмо, что у него выходит новая книга о Мандельштаме: "Пульса ди-нура Иосифа Мандельштама, или Последний террорист БО" (боевой организации). В фокусе этой книги находится стихотворение "Мы живем, под собою не чуя страны", и ее главная идея - что это стихотворение было обдуманным террористическим актом бывшего эсера, мечтавшего стать боевиком, его "огненным ударом". На эту тему можно, конечно, и даже нужно поспорить, но что в книге, на мой взгляд, бесспорно, это выход к иудейским культурным корням Мандельштама. В частности, цитируя работу Мандельштама "Разговор о Данте", он пишет: "Я сравниваю - значит, я живу, - мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры. Ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет

бытия вне сравнения, ибо само бытие есть - сравнение". Ср. частотное и рутинное выражение в Талмуде, применяемое, когда нужно понять "значение" (смысл) рассматриваемого объекта (предмета, ситуации, высказывания и т. п.): *heyke dame = aram*. "на что это похоже?", после чего создается "рабочая метафора", улучшающая понимание объекта. Эта традиционная еврейская (она же мандельштамовская) установка на замену "реальных вещей" текстуальными симулякрами, приводящая к "тотальной семиотизации бытия вплоть до обретения знаковой сферой статуса единственной и самодостаточной реальности".

Я бы добавил к этому "выводу" свой "коммент": суть еврейской культуры не только в том, что она "тотально семиотическая", а в том, что она при этом (!) не потеряла своей связи с корнем бытия, с кровью и почвой. А вот многие европейцы, подхватив это "семиотическое" направление, эту связь утеряли. Так вот, Мандельштам как раз эту связь и не утерять, она у него жива! И поэтому я согласен с Городецким, когда он называет Мандельштама "фокусом матриц еврейской культурно-цивилизационной системы".

И тут мы выходим еще на один очень важный и актуальный аспект творчества Мандельштама: он явился, всей своей личностью, судьбой и творчеством, фокусом столкновения еврейской и русской цивилизаций. Вот все эти "200 лет вместе", дорогие друзья, это годы борьбы двух рас, двух цивилизаций. Как шла эта борьба, о смешении как форме борьбы, об открытых столкновениях (погромы, революция и т.д.) как форме борьбы, и прочее - все это отдельная и очень интересная тема. Могу только сказать навскидку, что русская цивилизация была и осталась в этой ситуации в более сложном положении: во-первых, ей приходилось и приходится вести борьбу на разных цивилизационных фронтах, во-вторых, это цивилизация молодая, еще не сформировавшаяся, и во многих своих основаниях - заимствованная, частично у тех же евреев, частично у Европы Нового времени, которая тогда уже вернулась от христианства в сторону возврата к античности. А в последнее время можно наблюдать такую своеобразную всеядность, вполне постмодернистскую, с уклоном в абсурд. И в аспекте этой борьбы, которая шла у него внутри (как говорил Гейне, "трещина мира проходит через сердце поэта"), очень характерна эволюция Мандельштама от еврея-эмансипа, типичного порождения эпохи Эмансипации, который всеми силами пытается оттолкнуться, уйти от "своих", погрузившихся, как ему казалось, в глубокую идейную стагнацию, к еврею, начинающему свой путь хазара бэ-тшува, путь возвращения к своим глубоким корням и гордому своим культурным наследием, и даже осознавшему свое вольное или невольное противостояние русской культуре.

"Я настаиваю на том, что писательство в том виде, как оно сложилось в Европе, и в особенности в России, несовместимо с почетным званием иудея, которым я горжусь. Моя кровь, отягощенная наследством овцеводов, патриархов и царей, бунтует против вороватой цыганщины писательского отродья".

Это "Четвертая проза", 30-й год. Начав с отталкивания от еврейства, он пришел к отталкиванию от "русскости", и опять же - на "физиологическом" уровне! Надо сказать, что это отталкивание от "русскости", дикий страх перед "Русью", были всегда, с самых ранних стихов, как на уровне "физиологии", так и на уровне культуры. Вот что он пишет в 23-м году о русских: "Это какая-то помесь хорька и человека, подлинно "убогая славянщина". Словно эти хитрые глазки, эти маленькие уши, эти волчьи лбы, этот кустарный румянец на щеку выдавались им всем поровну в свертках оберточной бумаги".

В другом произведении, "Путешествие в Армению" сказано (не об Армении): "Рядом со мной проживали суровые семьи трудящихся. Бог отдал этим людям в приветливости, которая все-таки украшает жизнь. Они угрюмо сцепились в страстно-потребительскую ассоциацию... Казалось, эти люди с славянски пресными и жестокими лицам и ели и спали в фотографической молельне. И я благодарил свое рождение за то, что я лишь случайный гость Замоскворечья и в нем не проведу лучших своих лет. Нигде и никогда я не чувствовал с такой силой арбузную пустоту России..."

Это сказано именно в контрасте с Арменией, которую он называл "страшной субботней" и "младшей сестрой земли иудейской". Надежда Яковлевна пишет в мемуарах: "Для Мандельштама приезд в Армению был возвращением в родное лоно - туда, где все началось, к отцам, к истокам, к источнику. После долгого молчания стихи вернулись к нему в Армении и уже больше не покидали..."

Контраст подчеркнут словами, идущими за "арбузной пустотой России": "кирпичный колорит москворецких закатов... приводил мне на память красную пыль Араратской долины"; "Мне хотелось поскорее вернуться туда, где черепа людей одинаково прекрасны и в гробу, и в труде"; "Кругом - (это уже о Замоскворечье. - Н.В.) - были не дай бог какие веселенькие домики с низкими душонками и трусливо поставленными окнами. Всего лишь семьдесят лет тому назад здесь продавали крепостных девок, обученных шитью и мерке, смиренных и понятливых".

И если снова вернуться к вопросу: приехал бы Мандельштам в Израиль, то - да, конечно приехал бы, потому что он приехал в Армению. Поехал, куда смог, лишь бы быть поближе. Есть очень подробный разбор Павла Нерлера и этого путешествия, и как оно повлияло на творчество поэта, рекомендую для тех, кто хочет вникнуть в эту тему поглубже.

(Нерлер вообще очень толковый исследователь и прекрасный писатель. Кстати, случайно или нет, у него есть и еще одна ипостась - он занимается историей Катастрофы европейского еврейства...)

И именно в Армении поэт познакомился с Кузиным, и возникает близкая дружба, на почве "биологии", на почве культуры, как связи с предками. Мандельштам даже взялся за изучение армянского языка, переводил с древнеармянского, и вот какие поразительные слова он написал об этом языке: "Я испытал радость произносить звуки, запрещенные для русских уст, тайные, отверженные и - может, даже - на какой-то глубине постыдные".

Ведь это он говорит о еврейском языке! Разве армянский был запрещен для русских уст? И он не был постыден, тем более в глазах Мандельштама. А постыдны были, и именно в его устах, звуки еврейского языка. Типичный случай еврея, глубоко зараженного окружающей его ненавистью и презрением.

Это уже поздний этап эволюции Мандельштама, в смысле его отношения к еврейству, в Армении он побывал в 1930 году, а книга об этом путешествии была опубликована в 1933 году, в том самом, когда он написал "Мы живем, под собою не чуя страны". Может, это он, еврей, не чуял под собою страны...

Еще он назвал Армению "не оскверненной Византией". На что или на кого тут намек, догадайтесь с трех раз?

А вот - о России, "оскверненной" Византией, написано еще в 1915 году, о России как "культуре":

*Курантов бой и тени государей:
Россия, ты - на камне и крови -*

И тут же:

*Участвовать в твоей железной каре
Хоть тяжестью меня благослови.*

Этот мотив принятия России со всеми ее кровавыми потрохами, как говорится, несмотря ни на что, - это и есть трагический путь Мандельштама и трагический путь еврейства эпохи Эмансипации, путь, который в конечном итоге привел к гибели европейского еврейства.

Тут вообще-то было бы неплохо прочитать небольшую лекцию об эпохе Просвещения, во многом определившую нашу сегодняшнюю жизнь, со всеми ее достижениями и затаившимися опасностями. Для евреев это была эпоха выхода из гетто и приобщения к европейской культуре. Например, и Мандельштам, и Пастернак были детьми этой эпохи, их родители вышли из гетто, и оба, не без влияния родителей, конечно, рассматривали еврейство как умирающую культуру, стремились стать "русскими", что означало для них освобождение от "цепей Закона" и приобщение к великой и бурно развивающейся европейской культуре. Но постепенно пути разошлись и даже раз-

вернулись в противоположные стороны. И если сравнивать (а все познается в сравнении), то нужно отметить, что Пастернак никакого противостояния с Россией или с русскими не ощущал, а вернее, уверил себя, что его нет, потому что его не должно быть. Россия для Пастернака - это его светлое будущее, и русский социализм, и русское христианство, и все остальное. Это тоже полное и безусловное принятие, вроде бы как у Мандельштама. Но в нем нет внутреннего трагизма, наоборот, в нем внутреннее лицемерие. Пастернак принимает Россию как Рай, а Мандельштам - как Ад. И слово "чуждость" не сходит с его уст: "Как я ни мучил себя по чужому подобию...", "Тянуться с нежностью бессмысленно к чужому...", "Какая мука выжимать / Чужих гармоний водорсли!", "Чужая речь мне будет оболочкой" и т.д. "Переливания чужой крови" я уже упоминал. Надо сказать, что эта чуждость не только понималась, но и уважалась другими. Так, например, Пьер Паоло Пазолини в 1972 году написал очерк о Мандельштаме, где сказано: "Мандельштам жил как ослепленное животное на незнакомых пастбищах". Вот еще важное замечание: "Жизни Мандельштама свойственно особое развитие, модель которого, возможно, следует искать не в нашем традиционном опыте, а в снах или произведениях Кафки".

Увязка с Кафкой - это признание еврейской традиции. Пазолини не стесняется высказаться об этом и напрямую: "Банальная ошибка. Двадцатилетний Мандельштам должен был не поступать учиться в Петербургский университет, а остаться в Гейдельберге или в Париже. >...< Он был еврей и ничего не потерял бы... И жил бы настоящей жизнью..."

Это уважение к "чуждости" Мандельштама проявила и Цветаева, дарящая свою Москву "чужеземному гостю", и такой подход, в моих глазах во всяком случае, делает ей честь:

*Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг.
К нечаянным радости в саду
Я гостя чужеземного сведу".*

Уже давно подмечено было, что "чужие" не любят евреев не за то, что они евреи, а за то, что они рядятся в русских, немцев или французов (нужное подчеркнуть), да еще и не просто рядятся, а пробиваются в эту иную среду, требуя считать себя "своими". Не любят их за то, что самозабвенно врут себе и другим. Вообще-то, если говорить об ассимиляции, то, конечно, в личном плане каждый решает за себя, и, как говорится, не судите, да не судимы будете. Но одну вещь все-таки, я думаю, стоит знать тем "деятелям культуры", кто решил записаться в русские, немцы или в американцы, или еще в какую общность: не отворачивайтесь от прошлого, не плюйте в могилы предков. Тем более когда вас не заставляют.

Печатается в сокращении

СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК В НЕ ОЧЕНЬ СВОБОДНОМ МИРЕ

Алек Д. ЭПШТЕЙН

О том, что 1 марта 2018 года в здании Московского музея современного искусства на Гоголевском бульваре должна открыться его персональная выставка - первая в России после десятилетнего перерыва - Владимир Борисович Янкилевский знал, хотя и не был уверен, что состояние здоровья позволит ему присутствовать на вернисаже. Вечером 4 января его не стало, и единственная капля радости в этой трагедии как раз и состоит в том, что этот человек, посвятивший всю жизнь искусству, не только знал, что его искусство как-нибудь "продолжит жить в веках", но и очень точно представлял себе, когда именно большое количество его работ встретится с жаждущими этой встречи зрителями.

Владимир Янкилевский ушел, совсем чуть-чуть - менее полутора месяцев - не дожив до восьмидесятилетия (ценители искусства Мастера отметили 15 февраля 2018 года уже без него), тем самым полностью повторив судьбу своего отца, Бориса Исааковича, скончавшегося в 1987 году, буквально накануне восьмидесятилетнего юбилея. Его отец также был художником, пусть и несравнимо менее значительным и известным, чем он сам. Будучи не в силах "отпустить" отца от себя, в 1987 году Янкилевский-младший создал одну из своих самых пронзительных работ, реквием, озаглавленный "Автопортрет (Памяти отца)" - сегодня эта работа известна как "Триптих №14", экспонируется в Мраморном дворце в Санкт-Петербурге, где располагается коллекция, подаренная Фондом Людвиг Государственному Русскому музею. Нам, людям, не пережившим смерть, сложно знать наверняка, воссоединилась ли душа Владимира Борисовича с душой его отца, ушедшего 31 год назад, но совершенно очевидно, что, поскольку художественная династия Янкилевских прервалась, подобной работы памяти Владимира Борисовича создать уже некому.

В последние недели несколько прекрасных искусствоведов написали глубокие, неформально-проникновенные и весьма содержательные тексты его памяти, но все эти люди - Александр Боровский, Сергей Попов, Максим Кантор и другие - отождествили с смертью Владимира Янкилевского текстами, а не художественными произведениями. Люди, с которыми Янкилевский был открыт, знали, что папе он посвящал целую поэму, насколько мне известно, так им и не завершенную, и, хотя Владимир Борисович как подлинный концептуалист был всегда в состоянии очень точно и выверенно выразить то, что думал и чувствовал, главным средством его самовыражения, без сомнения, были не тексты, а художественные произведения. Именно поэтому думать о нем как о человеке практически невозможно вне размышлений о нем как о художнике.

Разумеется, его жизнь не сводилась к художественному творчеству: он любил классическую музыку, особенно произведения та-

Памяти Владимира Янкилевского

Владимир Янкилевский, Париж, 24 октября 2015 г. Фото А.Д.Эпштейна

ких композиторов, как Дмитрий Шостакович и Альфред Шнитке, поддерживал многолетние дружеские отношения с живущим ныне в Швейцарии уроженцем Баку композитором, пианистом и дирижером Александром Рабиновичем, интересовался еврейской религиозной философией и эзотерикой, но все эти интересы не были для него "отвлеченными", а, напротив, питали и обогащали его творческие импульсы. Дело даже не в том, что Шостаковичу Янкилевский посвятил свой четвертый триптих, а вместе со Шнитке принимал участие в работе над несколькими мультипликационными фильмами. Главным было и оставалось то влияние, которое оказывала созданная ими музыка на него самого, давая ему если и не направление, то уж точно энергию для творчества.

Янкилевский начал свой творческий путь тогда же, когда его, в общем, начинают почти все, кого впоследствии зовут художниками. Принципиальное отличие его состоит, однако, в том, что он необычайно рано нашел свою дорогу в искусстве. Испытав в конце 1950-х годов влияние "голубого периода" Пабло Пикассо (что совершенно неудивительно, ибо потрясшая столь многих ретроспективная выставка этого гения впервые прошла в Москве в 1956 году, когда восемнадцатилетний Янкилевский только начал учиться на художественном отделении Полиграфического института) и впитав в себя эстетические находки абстрактного сюрреализма Хуана Миро, с одной стороны, и фигуративного сюрреализма Рене Магритта, с другой, Янкилевский уже к 24 годам выработал собственный художественный язык, которому оставался верен на протяжении всех последующих 55 лет своей жизни.

На "альтернативной экспозиции", развернутой одновременно с выставкой к тридцатилетию Московского отделения Союза художников в Манеже в 1962 году, Янкилевский был самым молодым и, в значительной мере,

довольно случайным участником; не будет все же лишним упомянуть, что художников более старших, которых сегодня принято относить к "другому искусству", будь то Оскар Рабин или ныне покойные Михаил Рогинский или Анатолий Зверев, в Манеж тогда никто не приглашал. В историю русского не столько искусства, сколько общественной мысли вошел разгром, учиненный тогда Хрущевым художникам студии Белютина, но сейчас, по прошествии более чем полувека и спустя тридцать лет после представительной выставки белютинцев в Центральном доме художника в горбачевские времена, достаточно очевидно, что никто из этих студийцев большим художником, чье творчество принципиально значимо для русского искусства, не стал. Сам этот феномен подталкивает к бессмысленным размышлениям о том, можно ли вообще добиться творческого прорыва, работая не в одиночку, а будучи частью какого-либо коллектива, движения, или "волны". В этой связи на ум приходит круг учеников Малевича, студийцы Филонова, среди которых также не появилось ни одного мастера, без которого невозможно было бы представить себе панораму русского искусства последнего столетия. Фактически все люди, составляющие ныне пантеон того, что обоснованно или, скорее, нет, принято называть "вторым русским авангардом", выработали свои художественные языки каждый самостоятельно - и потому работы Оскара Рабина и Дмитрия Плавинского, Анатолия Зверева и Олега Васильева, Владимира Немухина и Олега Целкова, Дмитрия Краснопевцева и, конечно, Владимира Янкилевского столь непохожи между собой и мгновенно отличимы друг от друга. Будучи приглашенным участвовать в "параллельной программе" Манежной выставки (когда, разумеется, и самого такого термина - "параллельная программа" - еще не существовало), Янкилевский эстетически никоим образом к

белютинской студии не принадлежал и был от них отличим мгновенно и навсегда. Одна из самых сложных задач для любого художника - это поиск своего стиля, собственной эстетики; Янкилевский решил эту задачу еще раньше, чем получил диплом, прорвавшись туда, где до него еще, пожалуй что, не ступала нога ни одного не только российского живописца, но и какого-либо художника вообще.

Особенности стиля Янкилевского были одновременно и самой сильной, и самой проблемной его стороной. Его работы сложны для восприятия даже подготовленными зрителями. Создав сорок многометровых триптихов и три пентаптиха, для экспонирования которых нужны огромные пространства, Янкилевский крайне затруднял для музеев и галерей возможности показать его произведения зрителю. Я абсолютно убежден, что именно созданная Янкилевским в 1972 году "Дверь" (в 1980-е годы художник вернулся к этой теме, создав несколько вариаций на тему той легендарной работы) стала первой концептуальной инсталляцией в российском искусстве. Сколько бы отдельные ученые-искусствоведы ни объявляли основоположниками московского концептуализма Илью Кабакова или даже Виталия Комара и Александра Меламида, правда состоит в том, что первым работу такого плана создал именно Владимир Янкилевский. "Дверь" Янкилевского была физически увезена во Францию, где, вопреки надеждам художника, на протяжении пятнадцати лет томилась в заперти в подвале - за эти годы история московского концептуализма сложилась так, как она сложилась, и имя Янкилевского не было в его канон включено. Кроме многометровых композиций и крупноформатных инсталляций, Янкилевский создал в 1970-1980-е годы многие десятки офортов, отдельные из которых принадлежат к числу бесспорных вершин, созданных в этой технике, не только в российском, но и в мировом искусстве. Вместе с тем невозможно игнорировать тот факт, что подавляющее большинство мировых музеев и тогда, и теперь фокусируются на экспонировании произведений живописи и скульптуры; инсталляции и офорты, разумеется, признаются, но ни в коей мере не как основные художественные жанры. Понятно, что в последние годы само определение "художника" претерпело радикальные изменения, но основой любого музея была и остается живопись, и мне лично очень жаль, что, хотя он был филигранным графиком и очень чутким колористом, Янкилевский создавал все меньше и меньше собственно живописных произведений, причем по причинам, которые лично я понять так и не смог, уровень его живописи несравнимо ниже, чем уровень его же арт-инсталляций и офортов. Думая о лучших произведениях Янкилевского - той же "Двери", "Автопортрете (Памяти отца)", офортах "Диалог с самим собой" и включенных в серию "Город-маски" - мне ужасно жаль, что ничего из этого не было воплощено мастером на холсте. Я уверен, что будь эти

Владимир Янкилевский, Триптих №14. "Автопортрет (Памяти отца)", 1987 г. Русский музей, Санкт-Петербург (дар Питера Людвиг)

сюжеты воплощены ровно так же, но не в объемных инсталляциях и произведениях тиражной графики, а на существующих в одном экземпляре холстах привычных для музеев размеров, за обладание ими бились бы крупнейшие собрания мира. Когда осенью 2016 года в Центре Помпиду усилиями Владимира Потанина, Владимира Семенихина и других привлеченных Ольгой Свибловой олигархов и меценатов открылась выставка русского искусства 1960-1990-х годов, то Владимир Янкилевский был там представлен целым отдельным залом, но пять висевших на стенах мужских портретов были, во-первых, до обидного однотипны, а во-вторых, не шли ни в какое сравнение с теми произведениями, которые, собственно и обеспечили ему славу одного из крупнейших художников второй половины XX века. Нельзя не сказать и о том, что, когда выставка, проработав полгода, закрылась, в постоянной экспозиции Центра Помпиду ни одной работы Янкилевского не осталось, все было убрано в запасники - и остается открытым вопрос о том, когда какие-либо из представленных тогда произведений (а среди них были триптихи №6 и №32) будут доступны зрителям вновь.

Как это ни удивительно, фактически еще в 1958 году Владимир Янкилевский начал работать над темой "Люди в ящиках", но если изначально импульсом было противопоставле-

ние себя казенной и неискренней эстетике социалистического реализма и идеологии коммунистического строительства, то многие годы жизни, большая часть которой проходила в эмиграции вначале в США, потом во Франции (при том, что художник с супругой регулярно бывали в Москве) - привели к осознанию своей обособленности едва ли не от человечества в целом. Он был "другим" по отношению к советской власти и пестуемому ею искусству - и остался "другим" в пестуемом высококолобыми кураторами не менее казенном мире геометрических абстракций и пустопорожне-заумных инсталляций в музеях современного искусства на Западе. Эмигрировав, Янкилевский с горечью осознал, что на смену прозябанию в одном "ящике" предлагается лишь прозябание в "ящике" другом, - стремясь этой судьбы избежать, он оказался в экзистенциальном творческом одиночестве, выйти из которого оказалось невозможным.

Масштабы и характер творчества Янкилевского, с одной стороны, и специфический характер неподцензурного художественного творчества в Советском Союзе, с другой, привели к беде, которая мучила Владимира Борисовича всю его жизнь: недоступности зрителям его произведений. О собранной Нортон Доджем и подаренной им и его вдовой музею Зиммерли в Ратгерском

университете коллекции русского искусства написано большое количество панегирических статей, однако пришло время сказать и о том, что это собрание является одной из крупнейших в мире братских могил русского искусства, ибо подавляющее большинство находящихся там в фондах экспонатов нигде и никогда не экспонировалось. В этом собрании находится и более ста произведений Янкилевского, из которых где бы то ни было, когда бы то ни было выставлялись столь небольшое количество, что пересчитать их можно по пальцам двух, если не одной руки. Янкилевский очень переживал из-за этого, но, несмотря на его обращения в музей Зиммерли и высказанную готовность выкупить оттуда собственные произведения в надежде дать им вторую "путевку в жизнь", ситуация осталась неизменной.

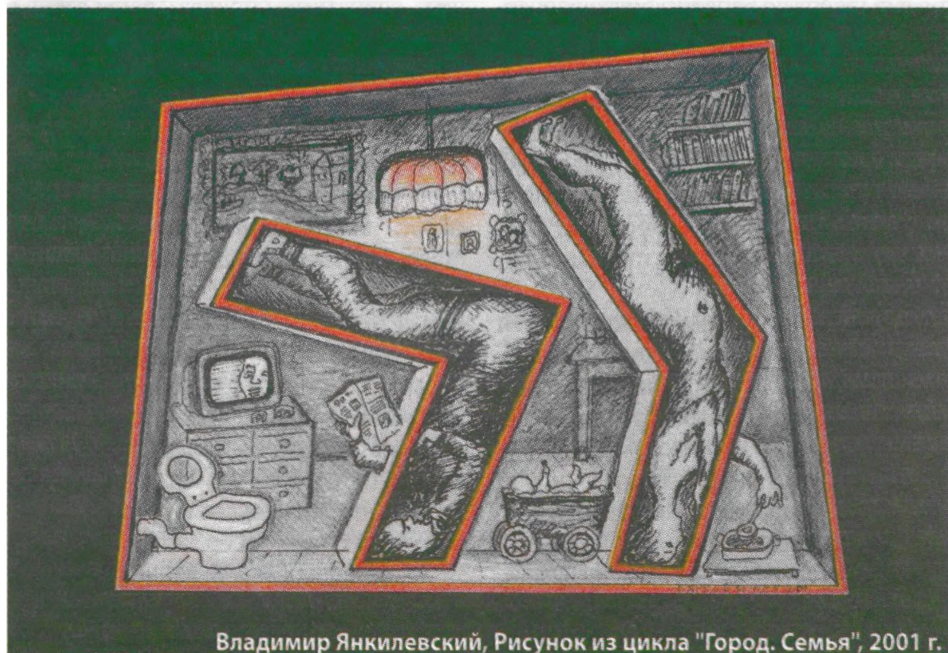
К огромному счастью, Римма, вечная спутница жизни Янкилевского с ранней студенческой поры, вела подробный каталог и фотоархив всех созданных мужем произведений, благодаря чему хотя бы репродукции этих работ доступны исследователям. Когда я начал работать над книгой о творчестве Владимира Янкилевского, то смог в полной мере оценить подвижническое отношение Риммы Даниловны Солод к своему мужу и как к человеку, и как к художнику. Об успешности его творческой судьбы могут существовать разные мнения, ибо ретроспективные выставки в Третьяковской галерее, Русском музее, Фонде культуры "Екатерина" и на других площадках, причем не только в Москве и Петербурге, но и в Лондоне и Нью-Йорке, конечно, забывать нельзя, но и многие годы безвестности тоже из памяти не выкинешь: за первые четверть века после разгрома в Манеже Янкилевский полноценно выставлялся всего один раз, и то не сольно, а на пару с Эдуардом Штейнбергом в выставочном зале Горкома графиков на Малой Грузинской. А вот о том, что его человеческая судьба была исключительно, просто исключительно счастливой, двух мнений быть не может никак, и это, безусловно, заслуга Риммы, ее преданности, такта, хозяйственности, чуткости и заботливости. Все, что не умел и не хотел делать Владимир Борисович, училась делать и делала Римма Даниловна, не только гостеприимно принимавшая всех тех, кто прихо-

дил в их дом, желая приобщиться к его искусству, но и учившая "за двоих" французский язык, чтобы можно было взаимодействовать с представителями государственных и муниципальных служб, врачами и соседями.

В последние тридцать лет с работами Янкилевского познакомились заинтересованные зрители в разных странах; одна экспозиция была развернута и в Израиле - озаглавленная "Владимир Янкилевский и Шмуэль Аккерман: еврейские художники в Париже", она прошла в Музее Мане-Каца в Хайфе весной 2001 года. Светлой памяти Александр Гольдштейн (1957-2006) провел одно из самых глубоких и обстоятельных интервью с Владимиром Янкилевским, опубликованное за год до этого в тринадцатом номере израильского журнала "Зеркало". С раннего детства живший и выросший в Баку А.Л.Гольдштейн, окончивший филологический факультет Бакинского университета и защитивший диссертацию на далекую от современного искусства тему "Творчество М.Ф.Ахундова и традиции европейской просветительской прозы", за годы в Израиле заслужил признание как один из наиболее крупных, самобытных и ярких интеллектуалов русско-еврейского мира. В.Б.Янкилевскому что во Франции, что в США, что в России было сложно найти понимающего интервьюера его интеллектуального уровня, и в этом смысле "русский израильтянин из Баку" А.Л.Гольдштейн оказался подлинной находкой, позволив художнику с беспрецедентной глубиной и точностью выразить многие свои важные мысли.

К Израилю В.Б.Янкилевский относился особенно тепло; когда два года назад мы обсуждали выпуск монографии, посвященной его творчеству, художник написал мне: "Мои соображения по поводу издания вашей книги обо мне следующие: я считаю, что она должна быть издана в Израиле, а не во Франции и не в России. <...> Конечно, было бы хорошо связать ее издание с моей музейной выставкой в Тель-Авиве или Иерусалиме (но, видимо, это невозможно без помощи спонсоров, так как транспорт моих больших вещей - дело сложное и дорогое)". К огромному сожалению, такого рода большая выставка пока так и не состоялась, но книгу мы издали именно в Иерусалиме, и В.Б.Янкилевский остался очень доволен этим.

С осени 2015-го по весну 2017 года мне посчастливилось пять раз побывать по Франции, и в каждый из них встречаться с Владимиром Борисовичем и Риммой Даниловной; осенью 2017 года Римма, извиняясь, ответила, что принимать гостей ее мужу уже крайне сложно. Мы продолжили переписываться, и я каждые несколько дней спрашивал о том, как обстоят дела, очень надеясь услышать об улучшении, ремиссии и победе организма над страшным недугом. Всего этого, к сожалению, не случилось, и спустя считанные дни после Нового года Римма Даниловна написала, что мужа не стало. Я очень благодарен судьбе за то, что успел написать и выпустить книгу о нем при его жизни, что Владимир Борисович вместе с супругой тщательно прочитали каждую страницу, в чутком диалоге со мной отбирая для печати каждую иллюстрацию. Память о наших встречах и совместной работе навсегда останется в моем сердце, а искусство Владимира Янкилевского, убежден, никогда не должно и не будет забыто.

Владимир Янкилевский, Рисунок из цикла "Город. Семья", 2001 г.

БЕЗРОДНЫЙ ПАТРИОТ

В эссе "Искренность в искусстве" английский писатель Олдос Хаксли писал: "Трагедия - продукт химически чистый. <...> Всякое химически чистое искусство захватывает нас властно и быстро. <...> Именно благодаря своей химической чистоте трагедия обеспечивает катарсис"

Александр ГОРДОН

Историю этого героя нельзя назвать химически чистой. Едва ли его трагедия обеспечила ему катарсис. Он, несомненно, был трагической фигурой, явившейся причиной трагедии многих людей. Величина этой трагедии, в которой он был игроком и автором, ощущается и по сей день. Его воображение оказалось недостаточно мощным, чтобы постичь величие и низость того, что он сделал, и понять глубину и значение совершенного деяния, благодаря которому он стал одной из движущих сил событий, называемых Историей.

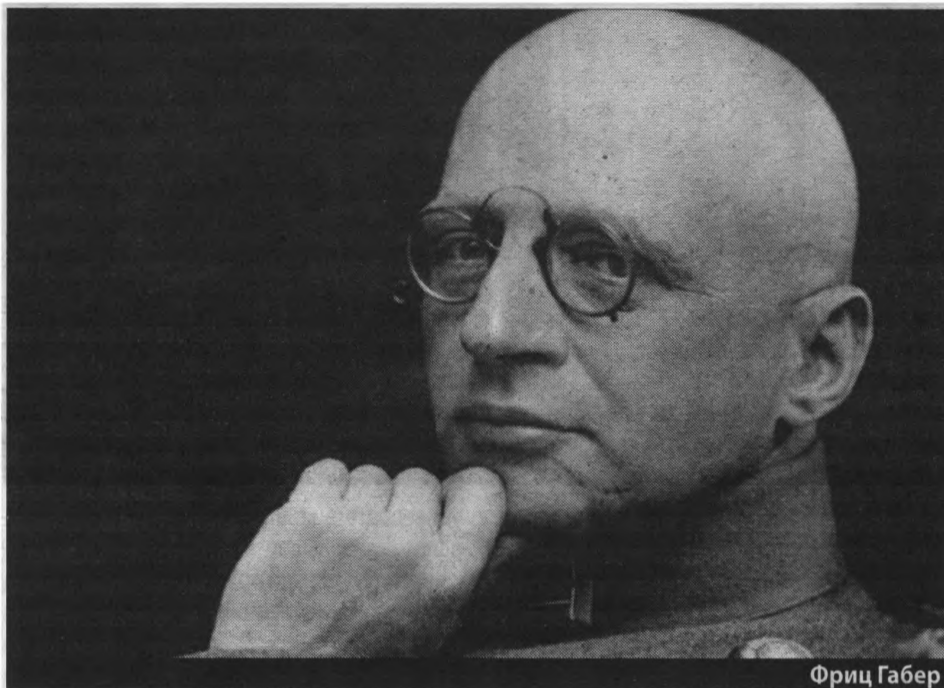
В 1919 году Нобелевская премия по химии за 1918 г. была вручена немецкому ученому Фрицу Габеру "за синтез аммиака из составляющих его элементов". В речи на презентации достижений нового лауреата президент Шведской королевской академии наук доктор А.Г.Экstrand, объяснявший доводы Нобелевского комитета, сказал, что открытия Габера чрезвычайно важны для сельского хозяйства и процветания человечества.

Ученые стран Антанты выразили резкий протест против решения шведской академии. Они заявили, что Габер - военный преступник, участвовавший в создании химического оружия. Газеты писали о нем: "Он удушил тысячи и спас от голода миллионы". Число жертв химического оружия примерно в десять раз больше числа пострадавших от ядерного. Речь идет о сотнях тысяч человек.

Фриц Габер родился 9 декабря 1868 г. в Бреслау (тогда Пруссия, ныне Вроцлав - Польша) в еврейской семье. Его назвали Фрицем в честь Фридриха, основателя германской правящей королевской династии Гогенцоллернов. В детстве он любил поэзию Гете и мечтал стать актером. Но Габера ждала другая игра. Он решил изучать химию, а позже занялся ее применением в промышленности и в военных целях.

По-видимому, впервые он задумался о крещении, когда не получил как еврей офицерского звания во время военной службы. Он понял, что без перехода в христианство его научная карьера в Пруссии под угрозой.

В 1892 г. вскоре после получения докторской степени по химии Габер принял лютеранство. В 1906 г. он стал профессором в техническом университете Карлсруэ. В 1910 г. в Берлине был создан Институт общества имени кайзера Вильгельма. В 1911 г. Габер стал его директором. Одновременно он возглавил Институт физической химии. За согласие быть директором этого института Габер вытребовал себе профессию в

Фриц Габер

Берлинском университете, членство в Прусской Академии наук и колоссальный для тех времен оклад в 15 тыс. марок.

Накануне Первой мировой войны одной из главных опасностей, угрожавших человечеству, считался "азотный голод". Бурный рост населения в европейских странах требовал постоянного увеличения плодородия почв, а значит, все большего количества азотистых удобрений. Их единственным природным источником являлись залежи чилийской селитры, и они должны были быть исчерпаны в ближайшие десятилетия. В августе 1914 г. началась война и морская блокада Германии. Военные специалисты Антанты считали, что без селитры немцы не смогут производить азотную кислоту. Тогда прекратится производство взрывчатых веществ и пороха, закроются заводы боеприпасов, немцы останутся без патронов и снарядов, поскольку нитраты, соли азота, являются необходимым компонентом взрывчатых веществ. Через полгода произойдет военный крах Германии.

Однако блокада не парализовала немецкую военную промышленность и не привела Германию к военному поражению. Страну спас еврей Фриц Габер. Еще до войны он придумал способ синтеза аммиака из водорода и атмосферного воздуха при высоких давлениях, в 200 раз больших атмосферного давления, и при не очень высоких температурах (ниже 3000 Цельсия) в присутствии металлического катализатора (чаще осмия, позже железа с малыми добавками окислов алюминия, кальция и калия), на поверхности которого реакция соединения резко убыстрялась. При окислении полученного из воздуха аммиака изготавливались азотная кислота, удобрения и - взрывчатые вещества.

Весной 1915 г. немцы под руководством Габера начали применять приготовленные им отравляющие газы против

французских солдат. В его группе работало более 150 ученых и примерно 1300 инженеров и техников. 22 апреля 1915 г. Габер впервые использовал отравляющее вещество - газ хлор - против французских солдат возле маленького бельгийского городка Ипр: по немецким сообщениям, 5 тыс. было удушено на месте и 10 тыс. были выведены из строя и стали инвалидами. За это деяние он был произведен из унтер-офицеров в капитаны самим кайзером - редчайший случай производства в офицеры человека, по возрасту не числившегося военнообязанным.

22 апреля 1915 г. был днем первого в истории применения оружия массового уничтожения.

Жена Фрица, талантливый химик, доктор Клара Габер (до замужества Иммервар, тоже еврейка, одна из первых в Германии женщин - докторов химии) давно требовала от мужа прекращения испытаний химического оружия в опытах над животными, которые он проводил в лаборатории вблизи их дома. Выдающийся коллега Габера по Берлинскому университету, лауреат Нобелевской премии по химии (1902) и немецкий патриот Эмиль Фишер был против убийственных опытов коллеги. Он заявил, что "от всего патриотического сердца желает ему неудачи". Габер объяснял коллегам, что отравляющие газы - гуманное оружие, так как дают реальную перспективу быстрого окончания войны.

1 мая 1915 г. усталый Габер приехал домой отдохнуть от убийственных трудов. В ту же ночь Клара от ужаса перед тем, что сделал Фриц, покончила с собой выстрелом в грудь из служебного пистолета мужа. На следующий день после похорон жены Габер отправился на фронт выполнять патриотический долг.

В 1916 г. Габер был назначен начальником военной химической службы германской армии и ответственным за производ-

ство химического оружия. Он командовал операциями по использованию боевых отравляющих веществ, их производству и разработке новых видов химического оружия. Он оказался не только выдающимся химиком, но и великолепным организатором и прирожденным лидером. Габер был ярким и, возможно, первым в истории примером ученого, использовавшего научные достижения для уничтожения людей.

В Веймарской республике Габер пользовался огромным уважением как большой патриот, крупный ученый, организатор и политик. Его звание, Geheimrat (тайный советник) - одно из высших званий в Германии, то же звание носил его любимый Гете.

По свидетельству лауреата Нобелевской премии по физике Джеймса Франка (1925), немецкого ученого еврейского происхождения, близко знавшего Габера, тот был жизнерадостным, веселым, брызжущим юмором, редкой эрудиции человеком, большим любителем путешествий, импульсивным, темпераментным, быстро мыслящим, отличный лектор, человек блестящего интеллекта, амбициозный, великолепным собеседником - он мог поддерживать разговор на любую тему. Тайный советник, директор, член национальной академии наук США, лауреат Нобелевской премии, профессор Фриц Габер был одним из самых заслуженных и влиятельных людей догитлеровской Германии.

После войны союзники потребовали выдачи Габера как военного преступника. Он бежал в Швейцарию, где получил гражданство как богатый человек. Однако через несколько месяцев требование о выдаче было снято, и Габер вернулся в Германию. В 1919 г. инспекторы победивших Германию союзников прекратили в его институте работы по изготовлению химического оружия. Габер стал заниматься изготовлением препаратов против насекомых-вредителей в сельском хозяйстве. Он возглавил эту область в стране и основал новую компанию. Его фирма изобрела препарат на базе гидроцианистой кислоты, названный "циклоном".

Уже после смерти Габера, в начале 1940-х гг., тогдашний директор фирмы, основанной Габером, доктор Фатерс получил секретный приказ переслать в Аушвиц-Освенцим цистерны "циклона В". "Циклон В" был гранулированной формой цианида. Буква В, вероятно, означала Blausäure - синильную или прусскую кислоту. Через отверстия "душей" в герметически закрытых помещениях в лагерях смерти выбрасывались синеватые кристаллы "циклона В". Цианистый водород медленно испарялся из кристаллов, поднимаясь к потолку. Люди задохнулись не сразу. Они умирали в мучениях. Их тела превращались в ярко-розовые, покрытые зелеными пятнами скорченные трупы. Химический препарат, разработанный в институте Габера, стал страшным оружием уничтожения евреев и среди них членов семьи самого Габера.

С приходом к власти нацистов в 1933 г. положение Габера стало опасным, поскольку его родители были евреями. Так

как Габер находился на германской службе во время Первой мировой войны, для него было сделано исключение: его не сняли с работы по новому закону об увольнении евреев из академических и правительственных учреждений. Однако в апреле он отказался уволить из своего штата евреев и послал в министерство искусства, науки и народного образования заявление об отставке, где были такие строки: "За более чем сорокалетнюю службу я подбираю своих сотрудников по их интеллектуальному развитию и характеру, а не на основании происхождения их бабушек, и я не желаю в последние годы моей жизни изменять этому принципу". Его отставка датирована 2 мая 1933 г. После отставки он уехал в Англию.

В 1933 г., уже в Кембридже, он сказал химику Хаиму Вейцману, будущему президенту Израиля: "Я был больше, чем высокопоставленный военный, и больше, чем директор в промышленности. Я был основателем мощной промышленности. Моя работа устала путь к колоссальному развитию немецкой промышленности и армии. Все двери были передо мной открыты".

В течение четырех месяцев Габер работал в Кембриджском университете, где английский физик, лауреат Нобелевской премии (1908) Эрнест Резерфорд не подал ему руки, а английские техники, участники войны, его бойкотировали. В Германии и в Англии вокруг Габера создавалась атмосфера, в которой он не мог жить и работать. Его превосходительство тайный советник, директор, лауреат Нобелевской премии, профессор Фриц Габер попал в полный жизненный тупик.

Вскоре после прибытия Эйнштейна в Берлин Габер уговаривал его принять крещение "с тем, чтобы вы принадлежали нам полностью и всецело". Эйнштейн ответил, что "мы", к которому Габер считает себя принадлежащим, - фикция. Несмотря на дружбу между ними, Эйнштейн был всегда грубо откровенным, когда слышал о христианских убеждениях Габера. Он считал того "жалким человеком, крещеным еврейским тайным советником". В 1925 году Эйнштейн подверг насмешке одного выкреста: "Как жаль, что вы крестились. Как правило такой поступок выражает преимущество собственных интересов над интересами общины". Его ирония была адресована и Габеру.

Невзирая на крещение Габера, немецкое общество никогда не забывало о его еврейском происхождении. Как некоторые евреи Германии, он старался быть большим немцем, чем немцы. Выработанная реакцией на антисемитизм мимикрия деформировала сознание Габера, сделала его беспредельно преданным германскому рейху. Для Габера военное поражение Германии было личной катастрофой. Однако он был глух к антиеврейским выпадам. На убийство Ратенау в 1922 г. он не обратил внимания. Свою второсортность не признавал. В отличие от Эйнштейна, считавшего войну безумием и презиравшего немецкое общество за антисемитизм, Габер продолжал оставаться германским патриотом.

Фриц Габер совершил человеческое жертвоприношение. Он не только принес в жертву тысячи людей во время Первой мировой войны, а с ними и свою жену Клару. Он принес в жертву Молоху германского национализма и самого себя, свой талант, свой труд, свою репутацию, свою совесть. Это многоголовое чудовище - *bellua multorum capitum* (латынь) - не приняло его жертвоприношение.

Габер, наконец, понял исходную точку того, что потом оказалось "окончательным решением" еврейского вопроса. Его решение еврейского вопроса - германизация - оказалось неокончательным и глубоко ошибочным. По всей видимости, до него дошел смысл известного высказывания немецкого философа Иоганна Готлиба Фихте, опубликованного в 1793 г.: "Дать им (евреям. - А.Г.) гражданские права? Я не вижу другого пути, как сделать это, кроме того, чтобы однажды ночью отрезать им всем головы и заменить другими без единой еврейской мысли. Как мы будем защищать себя от них? Я не вижу альтернативы, кроме завоевания для них их обетованной земли и отправки их всех туда. Если бы им даровали гражданские права, они бы растоптали других граждан". Когда Фихте писал эти слова, евреи составляли 1% населения Германии. Фихте проложил Гитлеру интеллектуальную дорогу к расовому антисемитизму.

После Фихте похожую мысль высказал немецкий композитор Рихард Вагнер в статье "Еврейство в музыке" (1850). Вагнеровская терминология была расистской: он не делал различий между евреями (Мейербер и Ротшильд) и крестившимися евреями (Мендельсон и Гейне). Вагнер считал, что евреи воспитываются вне истории и вне культуры. Они не в состоянии постичь "народный дух". Поэтому они не могут быть творцами подлинного искусства, а лишь подражателями и фальсификаторами. "Евреи не дали миру ни одного истинного служителя искусства", - писал он. В конце статьи он обращается к евреям: "Помните, что только это одно может быть вашим спасением от лежащего на вас проклятия, так как спасение Агасфера - в его погибели".

Высокообразованный Габер, безусловно, читал Фихте и Вагнера, но понял их идеи только с помощью малообразованного Гитлера.

В апреле 1933 г., после отъезда из Германии, Габер сказал одному из друзей: "Я был немцем в такой мере, что только сейчас чувствую мощь этого ощущения". Он уже говорил о своей принадлежности к немцам в прошедшем времени.

Летом 1933 г. в Кембридже Хаим Вейцман предложил Габеру работать в Реховоте, в Институте им. Даниэля Зива - будущем Институте им. Вейцмана. В свое время Габер помогал Вейцману создавать этот институт, организовав передачу ему ряда приборов. Вейцман предложил Габеру быть заведующим отделом физической химии. Габер принял это приглашение и решил переехать в Страну Израиля. В безвыходном положении он отбросил германство и смирился с тем,

что может жить только среди евреев. Когда Эйнштейн узнал о решении Габера переехать в Палестину, он написал Фрицу: "Я с удовольствием узнал, что ваша любовь к белокурому зверю охладилась". Почти со злорадством он добавил: "Кто бы мог подумать, что мой дорогой Габер станет чемпионом по еврейскому и палестинскому делу".

Габер был отторгнут народом, к которому себя относил и с которым связал свою судьбу, и принят народом, среди которого родился, который отверг и на чью судьбу взирал с равнодушием и отчуждением. Безродный, безродинный патриот возвращался на родину народа, от которого он отказался, как от неудачной сделки в расцвете сил, перед началом головокружительной карьеры и перед подъемом на высшую ступень немецкого общества. Он вынужден был эмигрировать из Германии и иммигрировать в единственное место, куда его принимали - в Палестину.

Но... Габер опоздал, его жизнь кончилась: по дороге из Англии в Палестину на отдыхе в Базеле перед встречей с сыном Германом он умер от разрыва сердца 29 января 1934 г. Патриот Германии Фриц Габер умер в изгнании на пути к репатриации в страну Израиля.

Габер поклонялся идолю германского национализма, не понимая или отказываясь принять его опасную суть. Он был болен немецким патриотизмом, дух которого был так описан Генрихом Гейне: "Патриотизм немца заключается в том, что его сердце сужается, что оно стягивается, как кожа на морозе, что он начинает ненавидеть все чужеземное и уже не хочет быть ни гражданином мира, ни европейцем, а только ограниченным немцем".

Превращение Габера в "ограниченного немца", "сужение сердца", его невосприимчивость к сущности монстра германского национализма поразительны для человека его знаний и интеллекта. Германский патриотизм Габера был оборотной стороной его мощного еврейского комплекса неполноценности. Его богатая, комфортабельная жизнь была изнанкой его бедного и неудобного духовного существования. Занимавший необычайно высокое положение, материально независимый человек, Габер был зависим от того, что думают о нем немцы. Он был искренним немцем и комплексующим евреем, фальшивым немцем и неподлинным евреем. Химия Габера с немецким народом не состоялась, ибо была его самым неудачным изобретением.

Вавилонский Талмуд предостерегает: "Ложь убивает троих: лжеца, того, в отношении которого лгут, и того, кто верит в ложь". Обладавший могучим интеллектом Габер, не был честным по отношению к себе. Он был всеми тремя талмудическими фигурами: лгал, лгал о себе и верил в свою ложь. Он дожил до разоблачения этой троекратной лжи. Нацисты не признавали крещения. Для них Габер навсегда остался евреем. Германский патриотизм Габера был выше всего мыслимого и ниже всего человеческого. Страстное стремление Габера к нормализации привело его к ч-

довищному отклонению от нравственных норм. Любивший поэзию Гете, Габер вполне мог сравнить себя с Фаустом, продавшим душу дьяволу.

В письме-соболезновании, которое Альберт Эйнштейн написал семье Габера, узнав о его смерти, есть такие строки: "Его трагедия - трагедия немецкого еврея, трагедия неразделенной любви к родине". В другой ситуации Эйнштейн вспоминал бесполезные усилия Габера его крестить: "Я никогда не испытывал уважения и симпатии к Германии, которую он так безнадержно любил". Габер - несомненно фигура, достойная греческой трагедии. Его история - трагедия еврея-ученого, страдающего от конфликта между его еврейскостью и германским патриотизмом. Невзирая на то, что немцы клеймили евреев за некую коллективную вину, никому из них не пришло в голову обвинить тех в том, что из их среды вышел такой человек, как Габер, так же, как им не пришло в голову за это же евреев отблагодарить.

Габер, несомненно, был творцом истории. Его открытие в сельском хозяйстве кормило и кормит миллионы людей, возможно, способствуя демографическому взрыву. Его самое большое изобретение, синтез аммиака, принесло колоссальный вред человечеству.

Английский биохимик, уроженец Вены, выходец из еврейской семьи, Макс Фердинанд Перуц, лауреат Нобелевской премии по химии (1962), в сборнике эссе об ученых и науке выдвинул гипотезу о том, что могло бы быть, если бы Габер не синтезировал аммиак: "Без этого изобретения Германия осталась бы без взрывчатых веществ. Долго планируемый "блицкриг" против Франции окончился бы неудачей. Война кончилась бы много раньше, и миллионы молодых людей не погибли бы. При этих обстоятельствах Ленин никогда не попал бы в Россию, Гитлер мог бы не прийти к власти, Холокост мог бы не произойти, и европейская цивилизация от Гибралтара до Урала была бы спасена". Без этого изобретения Германия быстро потерпела бы поражение в Первой мировой войне. А может быть, мировой войны как таковой не было бы вообще. Миллионы людей не погибли бы. Германия не должна была бы финансировать и внедрять в Россию Ленина, чтобы организовать там революцию и вывести эту страну из войны. Возможно, что, если бы тот не попал в Россию, февральская революция 1917 г. не переросла бы в большевистскую, и вся история России могла бы пойти по другому руслу. Германия не была бы доведена до полного истощения, до разорения и до страшного унижения Версальским договором после позорного и тотального поражения в войне. Гитлер, "сидевший на пустом желудке Германии" (выражение А.Эйнштейна) не пришел бы к власти. Катастрофа европейских евреев не произошла бы. История могла бы пойти другим путем, если бы еврей Фриц Габер не оказался таким большим германским патриотом.

Желающие приобрести книгу "Безродные патриоты" могут обратиться по электронному адресу algor.goral@gmail.com.

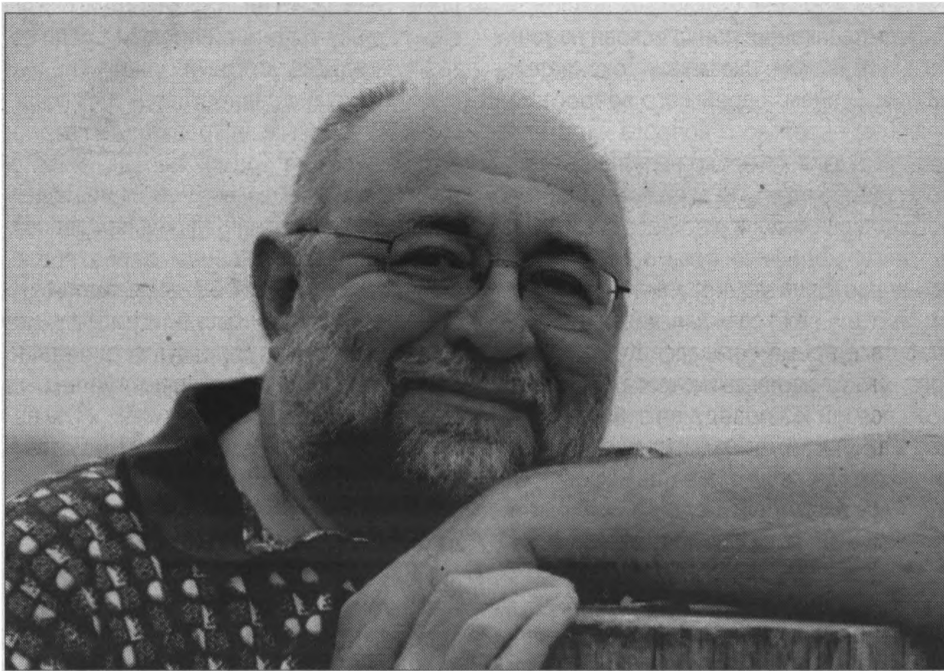
Михаэль ДОРФМАН

Я должен извиниться перед Владимиром Владимировичем Путиным. В 2005-м в эссе "Холокост - это смешно" я недобро пошутил, что в своей речи к юбилею освобождения Освенцима он никак не мог произнести слово "еврей" и лишь под конец выдал "лица еврейской национальности". Такая черта свойственна многим русским, украинцам, болгарам, осетинам и другим представителям братской семьи народов бывшего соцлагеря. Я верил тогда, что в Америке совсем другое отношение к слову "еврей". И не знал, например, что незадолго до этого редактор крупной американской газеты вызвал на ковер журналиста-еврея Марка Оппенгеймера. Подчеркнув, что в заметке об избрании сенатора Джо Либермана надо заменить "еврей" на "лицо еврейской национальности". До сих пор многие в Америке произносят это слово с опаской.

Однако по порядку. Я несколько раз писал о попытках заменить в разных европейских языках слова, однокоренные русскому "жд", на что-то более благозвучное. В статье "Вернуть ж.дов Малороссии" я самонадеянно утверждал: "Успехи еврейской общины в США со временем высоко подняли статус евреев, и слово Jew перестало считаться чем-то второсортным, а тем более стыдным. От старых времен борьбы за эмансипацию остались такие названия, как Hebrew school для еврейской школы при синагоге, для концерта по производству кошерных сосисок Hebrew national, да еще, пожалуй, английское название Еврейского университета в Иерусалиме - Hebrew University of Jerusalem."

С тех пор я пожил в Америке подольше и стал лучше понимать не только текст, но и контекст. Путин, затруднявшийся в начале своей президентской карьеры произнести слово "еврей", не выглядел бы в Америке странно. На мемориальной церемонии в День Холокоста президент Дональд Трамп заявил: "Мы видим множество проявлений антисемитизма - в университетских кампусах, в общественных местах, в угрозах еврейским гражданам". Он одиннадцать раз сказал "еврейский" и лишь один раз "еврей". Выступая по случаю Пасхи и Песаха, Трамп уделил каждому празднику одинаковое время. Он назвал христиан христианами и отметил, что они отмечают воскресение Христа. Говоря о евреях, отмечавших исход из Египта, президент сказал "еврейские семьи". Другие президенты - от Рейгана до Обамы - тоже затруднялись произнести слово "еврей" и "евреи", предпочитая оперировать американскими аналогами "лицо еврейской национальности". В поздравлениях к Песаху за восемь лет Обама ни разу не произнес слово "еврей".

"Слово "еврей" - это забавное слово - определил эту семантическую ловушку замечательный американский сатирик Луис Си Кей. - Это единственное приличное слово для обозначения группы людей и одновременно презрительная кличка для обозначения той же самой группы".

ПОЧЕМУ В США
СТЕСНЯЮТСЯ
СЛОВА "ЕВРЕЙ"

В 2000 году Марк Оппенгеймер работал в либеральной газете в Коннектикуте - родном штате Джо Либермана, где его неизменно избирали в сенат. Фамилия Оппенгеймер в Америке считается еврейской, и это должно было снять подозрения в антисемитизме автора. Однако корректоры и нееврей-редактор решили, что "еврей - вице-президент" может оскорбить его читателей - как евреев, так и неевреев, - и заменили на "еврейский вице-президент". Хотя Джо Либерман - самый еврейский из евреев-политиков - соблюдающий иудей в кипе. За то, что он - "настоящий еврей", Либерман пользовался популярностью среди очень консервативных христиан-евангелистов, на голоса которых рассчитывали политологи Демократической партии.

Если проверить словоупотребление фразы "настоящий еврей", то в большинстве случаев оно далеко от комплимента. Это замечательно обыграно в комедии Вуди Аллена "Энни Холл". Главная героиня (в исполнении Дайян Китон) говорит герою Вуди Аллена: "Ты - это то, что моя бабушка назвала бы "настоящим евреем". - "Спасибо большое", - отвечает под смех аудитории захлебнувшийся вдруг Аллен. "Да, ну, знаешь, она ненавидит евреев. Она думает, что они лишь делают деньги..." - смущенно лепечет Энн.

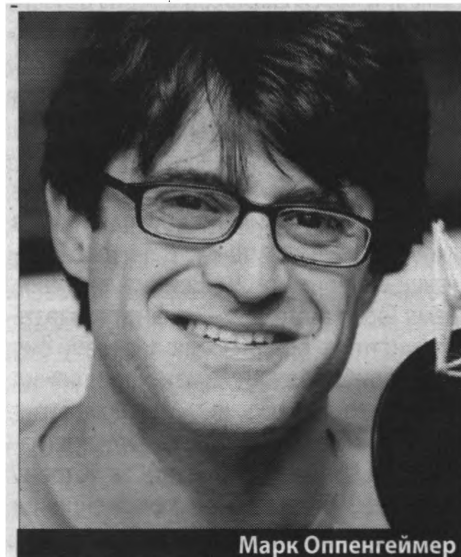
В то время как "настоящий христианин" в устах американца, канадца или британца означает все хорошее, то "настоящий еврей" в Америке покрывает широкое семантическое поле от мелкого хама, лезущего без очереди в супермаркете, до крупного афериста - вроде Берни Мэддофа или короля воров Фейгина из "Оливера Твиста". Фраза в устах моей знакомой либеральной еврейки - "там группа евреев расселась в ресторане" - не означала ничего хорошего. Профессор-

религиовед Синтия Бейкер, исследующая проблемы гендерной идентичности в иудаизме, даже написала книгу под названием "Еврей", где доказывает, что, несмотря на сказанное в Талмуде и других источниках, большую часть своей истории евреи не называли себя производными от Иудеи.

В 2017-м у Марка Оппенгеймера накопилось, и он выступил в "Нью-Йорк таймс" со статьей "Восстановить еврея". Оппенгеймер требует того, о чем я наивно рассказывал русскоязычным читателям как о давно достигнутом.

Разумеется, все совсем непросто. Еврей в Америке - это не столько национальность, сколько религиозная идентичность. А к идентичности в Америке относятся очень щепетильно. Многие в штыки воспринимают сведение их идентичности исключительно к религиозной принадлежности - иудея, христианин или мусульманин. Зачем, если человек неверующий и несоблюдающий?

Я много раз слышал от американских евреев, что обращение к ним, как "еврей"

Марк Оппенгеймер

Jew" вместо "еврейский - Jewish" их раздражает. Некоторые даже чувствуют в этом угрозу. Те же самые либералы, которые раньше называли антисемитизм то еврейской паранойей, то инструментом израильской пропаганды, взорвались возмущением по поводу реального и мнимого антисемитизма, присутствовавшего в президентской кампании 2016 года.

Слово "еврейка - Jewess" еще более неполиткорректно, и не только в английском. Если на идише еврей ("а ид") - это синоним хорошего человека, а обращение в третьем лице "господин еврей" - высшая дань уважения, то еврейка ("идене") никогда не было комплиментом.

Вместе с тем для многих евреев остается евреем, даже если он не соблюдает заповеди, не носит кипу, а его жену "люди видели на базаре без чулок". Дело, конечно, не в том, чтобы всех загнать в одну клетку. Каждый может сам конструировать собственную идентичность. Однако у тех, кто идентифицирует себя евреем, - политиков, писателей, селебритиз - не должно быть страха, что их "не так поймут", сочтя "профессиональным евреем".

Есть множество знаменитостей и медиазвезд, не стесняющихся называть себя христианами, хотя в церкви их видят редко и в соблюдении постов и праздников они не замечены. Да и христианство их может быть одной из десятков идентичностей и порой не главной. Американские же евреи, озабоченные антисемитизмом, не хотят подчеркивать свое еврейство, а многие его и вовсе скрывают, меняя фамилии и давая детям нееврейские имена. Дело доходило до парадокса, когда имя первого христианского мученика св. Стефана (Стивена), забитого камнями иерусалимской толпой, стало самым популярным еврейским именем в Америке.

Идентичности стремительно меняются в современном мире. Афроамериканцы никак не могут определиться с самоназванием - "негр", "черные люди", "цветные люди" (color people), снова "черные", афроамериканцы, сегодня - "люди цвета" (people of color). "Черный" был когда-то в Америке оскорблением, потом его реабилитировали, потом опять считали неполиткорректным, а сейчас лингвисты отмечают, что "черный" снова возвращается в мейнстрим. Потеряли свой негативный смысл "гомосексуал" и "квир". Зато "белый" и "гетеросексуальный" в определенных кругах из определения превратились в обвинение в обладании привилегиями, которые надо отобрать и поделить.

"Как писателю, - говорил Оппенгеймер в интервью, - мне приходится задумываться, как написать "еврей" или "еврейский", и для доброжелательных неевреев у меня есть ответ - не стесняться писать "еврей".

Кто-то сказал, что антисемитизм закончится, когда никто не будет делать паузу, чтобы подумать, как назвать еврея. По-моему, это касается не только трехбуквенного английского Jew, но и его табуированного однокоренного трехбуквенного русского родственника.

СУДЬБЫ СПЛЕТЕНЬЯ

Иван ПЫРЬЕВ,

The Экономист, www.ekonomistua.com

Кушнер переводится с языка идиш на русский как "меховщик". Вообще больше распространена фамилия Кушнер, есть еще Кушнарев, имеются и некоторые иные вариации. В далеком средневековье германский оригинал звучал как Куршнер.

Краткое этимологическое путешествие в историю необходимо нам для того, чтобы начать рассказ об удивительных вещах, происходящих нынче в Соединенных Штатах Америки. Все знают, что США - страна невиданных возможностей, о чем рассказывают тысячи фильмов, литературных произведений и просто легенд. Многие из них до сих пор спокойно разгуливают по Америке, демонстрируя собой правдивость одного из главных идеологических устоев американского общества. У самого популярного телеведущего в истории американского телевидения - Ларри Кинга - была мама из Вильно, а папа из Коломыи. Мама по приезде в США шила, а папа работал на кухне в ресторане. Ниже в Америке тогда было некуда, а вот их сын стал американским Левитаном и работает им уже почти 50 лет.

Таких случаев великое множество.

На Трампа работал Кушнер. Но предьявить что-то Кушнеру будет еще большей глупостью, ведь они родственники - и работал он действительно на "папу", на что как раз имеет полное право. Трамп - президент. У него есть старшая дочь Иванка (маму ее звали Ивана, она из Чехословакии). Иванка вышла в 2009 году замуж за героя нашего описания - Джаред Кушнера.

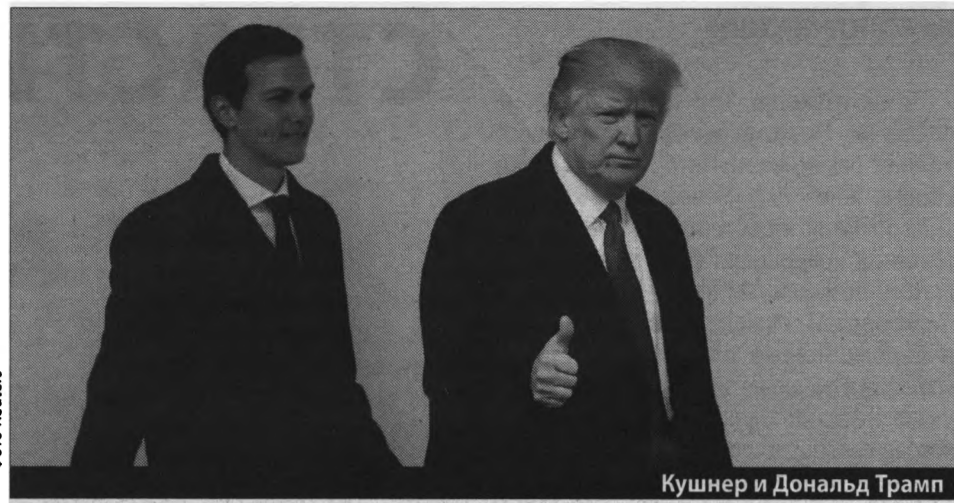
Семья Кушнера уже много лет является одним из крупнейших игроков на рынке нью-йоркской недвижимости. Многие небоскребы на Манхэттене на входе имеют табличку Kushner Management. Их трест по недвижимости, кстати, намного больше того, что есть у Трампа. Джареду сегодня 37 лет - он молод, но возраст его очень обманчив. Он возглавил столь большую компанию, как Kushner Management, в возрасте всего 23 лет. Так вышло, что его папу, являвшегося директором предприятия, посадили в тюрьму за неуплату налогов. Уже через три года Кушнер-сын провернул самую большую сделку в истории американской недвижимости, купив за 1,8 миллиарда долларов дом на Пятой авеню в Нью-Йорке. Так что в делах он разбирается. Когда тесть Кушнера собрался стать президентом США, Джаред решил "папе" помочь. В действительности в предвыборной кампании участвовала вся семья Трампов - пятеро детей, две славянские жены (прошлая и настоящая), братья и сестры... участвовали все.

Но больше всех в процессе принимал участие его зять Кушнер. Как писала недавно влиятельная (чрезмерно влиятельная, самая в Америке влиятельная) газета New York Times, правой рукой Дональда Трампа и серым кардиналом в его лагере был именно Джаред Кушнер. Знающие люди считают, что именно он выиграл президентскую кампанию. Руководители предвыборного штаба приходили к Трампу и уходили от Трампа, что в действительности не имело никакого значения, потому как подлинным начальником штаба все время оставался Кушнер. В то время, как противники радовались и злорадовались по поводу того, что в стане Трампа царит хаос и бардак, сам Трамп хорошо знал, что делал, - на всех ключевых процессах у него сидела семья, а не наемные управленцы, с которых спроса мало. Именно Джареду Кушнеру приписывают тотальное поражение, которое силы Трампа нанесли команде Клинтон в интернете. Те несколько лишних миллионов избирателей, сердца которых оказались завоеванными в интернете, и стали в результате решающими. У Трампа было 18 миллионов подписчиков в Twitter, у Клинтон же там не было ничего. А Facebook! Теперь демократы обвиняют Цукерберга в том, что он работал на Трампа. Это отъявленная глупость - Цукерберг не работал на Трампа. На Трампа работал Кушнер.

Но предьявить что-то Кушнеру будет еще большей глупостью, ведь они родственники, и работал он действительно на "папу", на что как раз имеет полное право. Кстати, по сообщениям американской прессы, госпожа Клинтон своего единственного родственника, помогавшего ей в проведении предвыборной кампании, не слушала. А тот от отчаяния даже выкидывал в окно телефон, по которому его только что не слушала жена Хиллари. Госпожа Клинтон полностью полагалась на наемных управленцев, с которых теперь и спросить-то нечего. Вот вам и результат соответственный.

Вернемся, однако, к Кушнеру. Ведь никаких официальных должностей у зятя Трампа в американском правительстве нет и не предвидится. Так-то оно так, но, с другой стороны, как пишет опять же New York Times, сегодня Джаред Кушнер является вторым человеком в государстве. К примеру, это именно он полностью сменил команду будущего президента страны по передаче власти, исключив из нее всех лоббистов (а там были только лоббисты, таковы американские политические реалии - во всяком случае, были). Скажите, ну кто такое мог сделать, кроме второго человека в государстве?

Корни у зятя Трампа белорусские, что в очередной раз указывает на близость славянских народов, ведь, как оказалось, у белорусов, как и у украинцев, тоже име-

Кушнер и Дональд Трамп

ется фамилия Кушнер. В этом месте шутить мы прекращаем, потому как дальше начинается трагическая часть истории семьи президента США. Дело в том, что по всем законам вероятности Джаред вообще не должно было существовать на свете. В том смысле, что он не должен был родиться, потому как практически все еврейское население белорусского местечка Новогрудок, откуда родом его дедушка и бабушка, было уничтожено фашистами. Его дедушке и бабушке удалось спастись невероятным чудом, пройдя кромешный ад фашистских расправ. В 1943 году в гетто Новогрудка оставалось всего несколько сот выживших людей, которые совершили отчаянный побег. Фашисты стали на них охотиться, и многие погибли, но часть успела уйти глубоко в лес.

К этому времени в тех местах располагался легендарный партизанский отряд братьев Бельских. Легендарным он был по странной для военного времени причине. В нем состояло больше тысячи человек, но в "боевой группе" насчитывалось всего около 150 бойцов. То есть воевали всего 150 человек, а остальные... Остальные были женщины, старики и дети - евреи, бежавшие из гетто. Да и боевая группа тоже была еврейской - партизанским отрядом, который прятал у себя людей, бежавших из гетто. Кто мог носить оружие - носил, кто не мог - оказывался по законам военного времени иждивенцем, а иждивенцам на войне, как известно, не место. Командовали отрядом три брата Бельских. Именно они тогда и придумали выход из сложившегося положения. Все партизанские отряды в Белоруссии подчинялись центральному штабу партизанского движения в Москве. Не подчиняться братья Бельские не могли. Тогда бы они не получали оружия, боеприпасов, и им на подмогу никто бы в случае чего не пришел. Одни бы люди в лесу не выжили, но держать столько иждивенцев штаб им бы тоже не позволил. Тогда они придумали выход и пообещали командованию стать хозяйственной базой всего партизанского района. Почти все евреи в местечках тогда были ремесленниками. И вот отряд Бельских начал делать все - чинить оружие и подделывать документы, шить, клепать, строгать, лечить на всю партизанскую округу. Работали все - от восьмилетних детей до восьмидесятилетних дедушек - с утра до ночи, иначе их бы выкинули из леса на съедение фашистам.

В наше время о партизанском отряде

братьев Бельских в Америке известно намного больше, чем обо всем белорусском партизанском движении, вместе взятом. О них писали книги и сняли фильм, где главного из братьев Бельских играл "Джеймс Бонд" - Дэниель Крейг. После окончания войны отряд братьев Бельских практически в полном составе переместился в Соединенные Штаты Америки, в этот раз, очевидно, не получив разрешения на столь сложную передислокацию от центрального штаба партизанского движения в Москве. Братья Бельские до глубокой старости водили в Бруклине тяжелые грузовики и встречались со старыми красными партизанами в кафе на набережной Атлантического океана - так далеко от родного Новогрудка. Их история в Америке почти так же знаменита, как "Список Шиндлера", просто кино про Шиндлера сделал Спилберг, а про Бельских менее знаменитый режиссер Цвик.

Именно там, в самом конце света, в дремучем лесу, в страшных условиях, в окружении фашистов, в одном шаге от смерти появилась будущая семья Кушнер. Когда оставшиеся в живых после побега евреи из Новогрудка забились совсем глубоко в лес, их нашли партизаны из отряда Бельского и привели в лагерь. Бабушка Кушнер по имени Рая, бежавшая из гетто Новогрудка, познакомилась в отряде с дедушкой Йосей...

Сестру бабушки Раи, которая попыталась спрятаться на чердаке во время фашистской акции, местные полиция стащили и забили на смерть на глазах у Раи. Когда убивают ребенка у вас на глазах и этот ребенок - ваша родная сестра, забыть это здоровый человек не сможет до конца своей жизни. В Америке написали множество психологических исследований на тему того, как живут семьи людей, переживших Холокост. Один из главных выводов - они все помнят, и дети их помнят, и внуки их помнят, и даже правнуки их помнят, потому как существует память поколений. Кушнеры начали ездить в Новогрудок в 1989 году - после падения занавеса. Они возили сюда всех своих детей, и внуков, и правнуков, когда тем исполнялось 13 лет. Такой обычай.

Кстати, через три года и Джареду Кушнеру по старому семейному обычаю придется везти в Новогрудок своего старшего сына, а этот старший сын - внук американского президента Трампа.

Печатается в сокращении

Ян ТОПОРОВСКИЙ

СТРАСТИ ПО АЛЕКСАНДРУ

Всем известно, что историю делали всадники. Поэтому на свете так много конных памятников: Петр I, вздыбивший своего коня над Невой, князь Юрий Долгорукий, простерший длань над Москвой, храбрый Давид Сасунский с мечом, безымянный воин Чингизхана на низкорослой лошадке, всматривающийся в Европу. Только о памятнике стражу Израиля я ранее не знал. А когда впервые узнал, не представлял, как найти. Под фотографией, попавшей мне в руки было написано, что статуя находится в Изреэльской долине, но где именно, не сообщалось. В долине, и все. Кто же он - стражник еврейских земель - и как случилось, что он превратился в статую?! (По данным Википедии, ее создал скульптор Давид Полюс.)

Наша встреча состоялась неподалеку от Хайфы, в Тивоне. С вершины холма страж всматривался в Изреэльскую долину. На другой стороне холма - усыпальница шейха Абрека. Неподалеку от памятника - дом стражника. А на месте убийства - обломок скалы с табличкой, извещающей о кровавом событии 1938 года.

Сибирская трагедия. Александр Зайд, будущий страж Израиля, родился в 1886 году, в деревне Балаганск (по другим сведениям - в деревне Зима) близ Иркутска в Сибири. Его отец Ицхак Элиягу - неизвестный еврейский поэт, ибо писал песни на идиш и иврите, но не для славы, а для себя и детей, оказался в тех краях в связи с тем, что нарушил какой-то царский указ, за что был сослан в 1874 году на 25 лет на окраину Российской империи. Но в те годы ссылали, как правило, за участие в народническом движении. Если бы в основе ссылки было уголовное дело, то Ицхак Элиягу, скорее всего, получил бы не ссылку, а тюрьму или каторгу. В селе Балаганск он основал завод, на котором изготавливались изделия из бронзы - церковная утварь.

В Балаганске жило несколько еврейских семей. В основном, еврей-кантонисты, отслужившие 25 лет в николаевской армии. Проживали в селе и субботники. Они были сосланы в Сибирь по обвинению в уклонении от догм православной веры. Население относилось к ним как к изгоям и как к "чуть-чуть евреям". Мать Александра Зайда - из семьи субботников. Но, по всей видимости, матери он не запомнил, ибо, когда ему исполнилось три года, она была зверски убита. Это сделал один из рабочих балаганского "бронзового завода" Зайда. Рабочий пришел в дом Зайда, когда хозяина не было дома, чтобы пограбить, но, наткнувшись на хозяйку, убил ее, чтобы не осталось свидетелей: трехлетний ребенок не в счет. После этой трагедии семья Зайда переехала в Иркутск.

Возвращение в "черту оседлости". В те годы для семьи Зайда, возвращение в "черту оседлости" означало конец скитаний. 25-летняя ссылка отца закончилась, когда Александру исполнилось 13 лет. Вся семья - отец, вторая жена, Александр

Конная статуя Александра Зайда

и две его младшие сестры - вернулись в Вильно, на родину семьи. Но возвращение не было счастливым. Через несколько лет отец умер.

Пятнадцатилетний Александр унаследовал дело отца и взял на себя заботы о сестрах. Но это была одна - дневная стирка его жизни. Другая, я бы сказал, ночная, тайная, протекала в лесу. Дело в том, что в Вильно он познакомился с видным сионистом Михаэлем Гальпериным (считается, что идея символа Государства Израиля - бело-голубого флага - принадлежит Гальперину) и вместе с ним принимал участие в создании тайной организации "Бней-Моше". Главной же целью Михаэля Гальперина было не "переустройство России", а освобождение Эрец-Исраэль. Для этого из 300 юношей были отобраны 30 человек ("сильные телом и духом"), среди которых оказался и Александр Зайд. Этот "отряд-30" по ночам и во время каникул отправлялся во главе с Гальпериным в близлежащий лес. Там будущие бойцы учились держать в руках оружие и проходили испытания на выносливость. Члены отряда клялись в верности четырем принципам будущей жизни на Земле обетованной: социальное равенство, жизнь коммуной, работа на земле и служба в народном легионе.

Командировка в новую жизнь. Первым из "отряда-30" в Эрец-Исраэль был командирован 17-летний Александр Зайд. Он прибыл в Палестину через Вену в 1904 году. В Вене он был представлен Теодору Герцлю и делегатам Всемирного сионистского конгресса. Из Триеста Александр отплыл в Александрию и был единственным евреем среди пассажиров, пльвшим на жительство в Палестину. В Александрии он пересел на другой корабль, где находилась еще одна еврейка с двумя детьми, тоже репатрировавшаяся на свою историческую родину. Это был первый год прибытия Второй алии.

А в Яффо первых представителей Второй алии ждал обычный (для тех лет) полицейский прием. Александр не имел разрешения на въезд, и ему позволили сойти на берег лишь после того, как он дал взятку турецкому полицейскому - зо-

лотые часы отца и последние франки. Сойдя на берег, он остановился в гостинице, заплатив за ночлег летней курткой (денег не осталось) и маленьким чемоданом. А переночевав, отправился пешком в Ришон ле-Цион.

В Ришон ле-Ционе он устроился в "Дор" (по всей видимости, это была сельскохозяйственная артель) и все лето жил в шалаше, который сам и соорудил из ветвей эвкалиптов. Когда закончилась эта сезонная работа, нашел другую - черную работу, на которой сумел скопить немного денег на новый пиджак. Правда, "командировка", едва начавшись, могла закончиться плачевно. Однажды, по дороге в соседнее поселение, он и его друг неожиданно столкнулись с арабами. Это была первая встреча с теми, от кого он впоследствии примет смерть. Араб бросился на Александра с обнаженной саблей в руках. Два еврейских подростка приготовились к достойной встрече, а может, и к смерти, но, в отличие от последующих столкновений с арабами, на этот раз обошлось без крови.

Первая кровь. В Ришон ле-Ционе был убран весь виноград. Зайд отвез последнюю партию на винзавод барона Ротшильда и получил расчет. В таком же положении оказались и остальные рабочие. Они разбрелись по дорогам Эрец-Исраэль в поисках работы. Александр и еще один рабочий отправились искать счастье в Петах-Тикве. По тем временам это был большой рабочий поселок. В нем проживало около 150 рабочих. Среди них Давид Гордон и Йехезкель Ханкин. Последний был окружен ореолом отважного воина, уже принимавшим участие в защите еврейских поселений. Быть может, эта встреча изменила судьбу Александра Зайда - он оставил работу и стал караульным. Вместе с Ханкиным он присоединился к отряду стражей из 12 человек, который стал охранять участки и урожай поселенцев Зихрон-Яакова. Но из 12 человек борьбу с арабами выдержали только трое. Среди них - Александр Зайд.

Охраняя один из участков, Зайд попал в засаду. Арабы поймали стража, избили, ранили в голову. Долгое время рана кро-

воточила, случались и провалы в памяти. Александр, сопровождаемый своим другом Ханкиным, отправился на лечение в Иерусалим. Лечился он в больнице англиканских миссионеров. А когда окреп, то по совету профессора Бориса Шаца (создателя школы, а впоследствии, академии "Бецалель") стал учиться на скульптора и работать каменотесом.

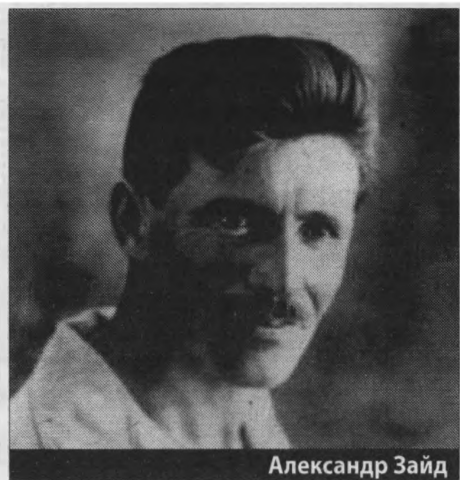
Как родились стражи. Александр Зайд ютился на одном из чердаков Иерусалима, затем в складчину с Ханкиным снял комнатку у бухарских евреев. Эта комнатка и стала штабом организации "Полей-Цион" в Иерусалиме. Здесь и возникла идея создания отряда "А-шомер" - "Страж". Свои предложения они направили Ицхаку Бен-Цви, ставшему впоследствии вторым президентом Израиля. Тот предложил обсудить письмо Зайда и Ханкина на заседании ЦК "Полей-Цион" в Яффо.

Это было в 1907 году (по сведениям Краткой еврейской энциклопедии - в 1909-м), в маленькой комнатке, которую снимал Ицхак Бен-Цви. На обсуждении присутствовали Исраэль Шохат, Исраэль Гилад, Йехезкель Нисанов, Йехезкель Ханкин, Цвибекер и Александр Зайд. На следующий день Шохат и Бен-Цви внесли дополнения в проект: отряду дали название "Бар-Гиора" и придумали пароль: "В крови и огне пала Иудея - в крови и огне Иудея восстанет!" (строчка из песни Яакова Коэна).

Это и было рождением стражей.

Не прошло и года, как в Саждере возник (1908) первый отряд стражей Земли Израиля. В нем было всего 10 стражников. Их послали в район селения Тавор. С этого момента заканчивается биография Александра Зайда - сельскохозяйственного рабочего, чернорабочего, виноградаря, каменотеса и начинается биография жизни Александра Зайда - "Стража Израиля".

Как и положено, стражникам выдавали оружие. И они находились все время в движении. Александру приписывается фраза: "Эту землю надо изучать ногами". И он охраняет землю и поселения от арабов, черкесов и "муграбийцев" - выходцев из Северной Африки. Он двигается от земель Ришон ле-Циона к землям Хадеры и от Зихрон-Яакова к земельным участкам поселенцев Верхней Галилеи. В пути Александр купил себе лошадь, назвав ее Хамуда, и стал первым конным стражником. В пути он встретил и будущую подругу жизни - Ципору. Хотя нет, с ней, по всей видимости, он был знаком еще в Вильно (некоторые утверждают, что она была еврейкой из Йемена, но, по-моему, это из области легенд, которые складывались за спиной любого стража Израиля). Но достоверно известно, что с Ципорой он встретился в 1907 году, во время проживания в "Иерусалимской коммуне". А потом (опять же в пути) состоялась их помолвка (эта помолвка тоже была коммунальной, для четырех пар сразу) - а празд-

Александр Зайд

ник устроили для всех членов отряда стражей.

Передышка. Что можно подарить стражнику Александру в день рождения его сына Гиоры (потом родились Иоханан, Ифтах, Кохевет)? Разве что передышку. И штаб "А-шомера" отдал Александру приказ: не скакать по дорогам, а целый год "сидеть" на одном месте! За этот год он построил дом, занялся обработкой участка земли, сажал деревья и цветы, приобрел корову и различную домашнюю птицу. Он отделал комнату для гостей и принимал в ней арабов, ведя с ними переговоры о мире. До конца жизни он держал в своем доме эту гостевую комнату. В Тель-Адашим у Ципоры и Александра родился первый ребенок. Земли этого поселения были даны Зайду не только как место, которое он должен был во время нападения арабов удерживать до подхода основной части поселенцев Второй алии, а может быть, и нас с вами, - но и в пожизненное пользование. Однако прошел год, и страж получает приказ сняться с места и с маленькой группой бойцов основать в Верхней Галилее - рядом с Метулой - новое поселение. Ныне оно называется Кфар-Гилади.

Алия стражей. Вторая алия начала отличаться от других (первой и последующих) тем, что создавала удивительные в своем роде поселения стражей. Земли поселения Кфар-Гилади находились тогда в районе реки Хацбани - на расстоянии двух часов ходьбы от Метулы. Понемногу у поселения стали появляться свои "хутора" - стражи обзаводились семьями и отселялись все дальше и дальше к северу.

Во время осады Тель-Хая Александр Зайд находился на галилейской дороге - он вел своих стражей на помощь Трумпельдору. Но не успел. Трумпельдор погиб, а Зайд и его стражи получили приказ оставить свое поселение. Но потом - через десять месяцев - отряд стражников вернулся в Гилади.

Конечно, гибель Трумпельдора - человека, обладавшего даром объединять людей, - и сдача поселений нанесли еврейскому ишуву незаживающую рану. Стражники Кфар-Гилади раскололись на две группы. Спор вспыхнул из-за разногласий по поводу того, как надо управлять поселением. Об этом споре подробно было рассказано в газете "Давар" от 1 сентября 1926 года. Стражники, проигравшие в споре, должны были покинуть

поселение. В этой группе оказался и Александр Зайд. Он ушел в возрождающееся поселение Тель-Хай, а оттуда - после нового раскола - в поселение Шейх-Абрек. Но здесь его догнал приказ стать стражем земель "Керен кайемет ле-Израэль". Под его охрану и защиту переходили поселения Харбаджа, Харатия, Шейх-Абрек, Кускус, Сде-Яков, Эль-Роэ, Элоним...

Зайд и его семья приложили много усилий, чтобы расширить границы земель поселения Шейх-Абрек. На приобретенных землях возникло семь новых поселений - от Шаар ("Врата" - и в самом деле ворота Изреэльской долины) до "Поля Якова" - Сде-Яков.

Дом на вершине. Страж всегда выбирает вершину горы. С нее видна вся окрестность, а на самой вершине можно построить и свой дом - свою крепость. В 1931 году Зайд заложил фундамент нового (своего последнего) дома. А через некоторое время стража-строителя окружили арабы и забросали камнями. На помощь отцу бросился семнадцатилетний сын Гиора. Его тоже ранили. Но смертельную рану страж Александр Зайд получил в другой схватке.

Страсти по Александру. Александр Зайд был не только стражем, но и первооткрывателем пещер и еврейских захоронений в Бейт-Шеарим. О своих открытиях он сообщил Ицхаку Бен-Цви. После этого находками заинтересовался штаб "А-шомер". Известно, что на заседании в Эйн-Харод (16 января 1935 года) было принято решение, чтобы возле дома Зайда поселилась группа исследователей-поселенцев. Был ли претворен этот план в жизнь, могут рассказать дневники Зайда.

Не знаю, о той ли группе поселенцев-исследователей шла речь, но в 1938 году рядом с домом Зайда появились выходцы из Германии и Польши. Зайд подготавливал выдвижение этой группы на земли Верхней Галилеи. Возле его дома они отработывали новую тактику борьбы с арабами. В те времена - период "Стены и башни" ("Хома у-мигдал") - поселенцы стали воздвигать вокруг поселения не деревянные заборы, а каменные стены. Для пробы решили возвести такую стену вокруг дома Зайда. Укрепление получилось на славу, и 20 июня 1938 года группа "Элоним" выдвинулась на новые земли - в нескольких сотнях метров от места их прежнего обитания.

А 10 июня того же года, когда Александр навещал новое поселение Элоним, он был убит арабами. Рассказывают, что после смерти отца один из сыновей взял в руки оружие стража. Он выследил убийцу и уничтожил его. Говорят, после этого к дому Зайда пришел глава клана Шейх-Абрек. Он и его клан восприняли поступок сына Александра Зайда как должное, как дело чести. А мужчина, уклонившийся от мести кровнику, считается обесчещенным. Абстрактному европейскому гуманизму в феодальном и родовом обществе нет места. Но мало кто это понимает даже в наше время.

Энциклопедическое издание "Носящие вымышленное имя" посвящено неординарным выдающимся евреям. По разным причинам они взяли себе псевдонимы, приобрели известность благодаря своей созидательной творческой деятельности и стали частью не только еврейской истории и культуры. Многие евреи, которых мы знаем под псевдонимами, вписаны золотом в историю страны, где они проживали. Знаменитые писатели, музыканты, художники, ученые внесли огромный вклад в развитие культуры всего человечества. Основатель хасидизма Баал-Шем-Тов, политик Давид Бен-Гурион, деятели культуры: Шолом-Алейхем, Джордж Гершвин, Гарри Гудини, Кирк Дуглас, Илья Ильф, Фаина Раневская, Марк Бернес - энциклопедия освещает жизнь и деятельность почти 1000 личностей.

Авторы-составители этой замечательной книги - Л.А.Киржнер, И.Л.Киржнер. Ее выпустило в двух томах московское издательство "Книжники" в 2016 году. Нельзя не отметить высокое полиграфическое качество издания, снабжение его мощным справочным аппаратом и, конечно, прекрасную работу художника.

Мы публикуем отрывки из книги, посвященные тем или иным персоналиям.

ХАРЭЛЬ ИСЕР

Гальперин Исер (1912?-2003)

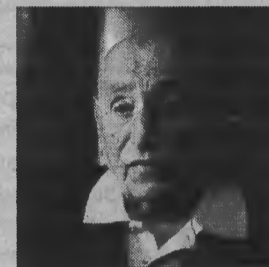
Витебск, Российская империя - Петах-Тиква, Израиль. Создатель и руководитель служб безопасности Израиля.

Родился в богатой семье. Точная дата рождения Исера неизвестна, документы утеряны во время Первой мировой войны и революции в России. В годы революции и гражданской войны семья потеряла все свое имущество и в 1922 г. эмигрировала из Советской России в Даугавпилс (Латвия). Здесь он учился в начальной и средней школе и присоединился к молодежной сионистской организации "А-шомер а-цаир". Поскольку собирался переехать в Палестину и жить в кибуце, то, даже не сдав выпускные экзамены, уехал работать на сельскохозяйственную ферму под Ригой.

В 1929 г. после антиеврейского погрома в Хевроне, Харэль принял решение переехать в Палестину. Он приехал в Эрец-Израэль в 1930 г. с пистолетом, который прятал в буханке хлеба и пронес через британскую таможню. В Палестине он сразу вступил в "Хагану". До 1935 г. жил в кибуце Шефаним, а затем - в Герцлии. За трудолюбие, с учетом своего российского происхождения, получил в кибуце прозвище Стахановец. Здесь он познакомился с девушкой из Польши по имени Ребекка и после непродолжительного ухаживания женился на ней. Она была единственным человеком, кроме премьер-министра Израиля Д.Бен-Гуриона, которому Харэль когда-либо подчинялся. Соседи называли ее Амазонкой.

В 1935-1944 гг. он работал на дорожном строительстве и прокладке оросительных систем. В 1940 г. "Хагана" направила Харэля в тренировочный лагерь, где он учился стрельбе и осуществлению диверсионных акций. После окончания спецшколы он почти всю жизнь работал в израильских спецслужбах. Перешел на нелегальное положение после того, как избил старшего британского офицера за антисемитскую реплику. Когда внутри "Хаганы" была сформирована служба безопасности, ему была поручена работа в отделе внутренней безопасности. В 1946 г. он возглавил этот отдел, а в 1947 г. стал руководителем тель-авивского регионального отдела службы безопасности.

Один из соратников и доверенных лиц премьер-министра Израиля Д.Бен-Гуриона. В 1952-1963 гг. возглавлял разведку Мосад и контрразведку Шин-Бет,

которая была создана через несколько недель после провозглашения независимости Израиля. Воинское звание - подполковник.

Он был убе-

жден, что настоящие защитники Израиля должны придерживаться жестких моральных принципов и практически пуританских правил повеления. Всю свою жизнь и работу подчинил этим принципам. Люди отзывались о нем как о человеке кристальной честности. Возглавлял объединенный комитет руководителей всех израильских секретных служб и являлся советником премьер-министра по вопросам обороны и безопасности. При нем в Мосаде была создана спецшкола для подготовки агентов и установлены жесткие стандарты для отбора кандидатов.

Харэль был авторитарным руководителем, все сотрудники подчинялись и были преданы лично ему. Жесткий стиль руководства он сочетал с заботой о сотрудниках и с созданием у них чувства престижности и элитарности. Он был единственным человеком в истории Израиля, который совмещал руководство разведкой и контрразведкой. Авторитет Харэля в спецслужбах был непререкаем. Фактически он был человеком номер два в государстве, так как подчинялся только главе правительства и руководил всеми спецслужбами страны.

Он лично возглавлял операцию по поимке нацистского военного преступника А.Эйхмана и написал об этом две книги: "Дом на улице Гарибальди" и "Похищение палача".

До 1960 г. его имя не появлялось в открытой печати. Известен он стал после захвата Эйхмана, когда появился на заседании кнессета, посвященного этому событию.

После отставки с поста руководителя Мосада Харэль был советником премьер-министра Л.Эшкола по вопросам разведки и борьбы с террором. Впоследствии избрался депутатом кнессета 7-го созыва, был членом комиссии по внутренним делам.

Харэль не любил и не понимал юмора, никогда не шутил сам. Под именем Мемуне выведен в детективном романе Д.Картуна "Падение Иерусалима". Автор 12 книг по истории израильской разведки.

Март принято считать самым женским месяцем по тому гражданскому календарю, которым мы пользуемся, наряду с нашим, еврейским. В марте отмечается международный праздник, в который мы адресуем идущие от сердца слова любви и признательности женщинам, и не в последнюю очередь, тем, что подарили нам жизнь. Еврейская мудрость гласит: "Бог не может быть везде одновременно - поэтому он создал матерей".

Раскрыть феномен "еврейской мамы" стремятся педагоги, психологи и философы. Они пытаются понять, почему дети нашей национальности, как никто другой, всю жизнь беззаветно и всепоглощающе уважают, обожают, почитают и просто всей душой любят свою родительницу. Еврейская мама - и наставница, добрая и мудрая советчица, она же - и заступница, если ее ребенку (сколько бы ему ни было лет) нужна помощь и поддержка.

Вы вправе спросить: "А где же еврейский папа?" Он тоже рядом. Он много трудится и много терпит - во имя того, чтобы все получилось так, как хочет еврейская мама. Без вечно куда-то спешащего и озабоченного еврейского папы не было бы гордой еврейской мамы.

А в чем же секрет еврейского воспитания? "Главное - это любовь, милосердие и строгость, - объясняет кандидат психологических наук Инна Пригожина. - Еврейскую маму можно назвать первоклассным садовником. Дело в том, что в иудаизме человека всегда сравнивают с деревом. Когда садовник сажает молодое дерево, то он каждый день, изо дня в день ухаживает за ним. Поливает, удобряет, убирает сорняки и даже, если нужно, привязывает живое растение к палке, чтобы оно росло правильно. Почему так важно, чтобы дерево с молодости росло правильно? Ответ прост. Потому что его потом трудно выпрямлять. Только правильный рост сделает это дерево красивым и плодотворным. На нем вырастут вкусные и сочные плоды. И еврейская мама старается, чтобы ребенок с младенчества развивался в нужном направлении". Воспитание в еврейских семьях всегда направлялось на развитие любознательности и самостоятельности. Целеустремленность, честность, организованность и многое другое - тоже из детства, привитое ребенку, как растению, и, во многом, усилиями еврейских мам. О них написаны стихи и песни, но тема эта не исчерпана, ибо она просто неисчерпаема.

Мы предлагаем читателям переведенный с языка идиш на русский язык цикл стихотворений "Мамино тепло" поэта Моисея Лемстера.

Моисей Лемстер

Мамино тепло

Пролог

*Первое слово - волшебная сила,
Голоса чудо в тиши...*

*Мама! Лампаду она засветила
Трепетной детской души.
Мне и заботы несут, и тревоги
Ветры безжалостных лет,
Но помогает не сбиться с дороги
Мамой подаренный свет.*

Две молитвы

*Тихий вечер месяца Тишрей¹,
И суббота движется навстречу.
Время зажигать, с молитвой, свечи -
Это знает каждый иудей.*

*И нисходит божья благодать,
И плывут полоскою не длинной
Две молитвы - мамина и сына -
Вдаль и ввысь, что взором не объять.*

МАМИНО ТЕПЛО

*Уплывают тихо за окно,
Всем печалям вопреки и бедам,
Те слова, что бабушкам и дедам
Богом было знать повелено.*

*Позади - и годы, и века.
Две молитвы - и теперь, как прежде,
Шаг навстречу вере и надежде,
А точнее - сразу два шага.*

*В первой - древних отзвуки псалмов -
Я ее читаю на иврите,
Чувствуя, что из нетленных нитей
Соткана она, а не из слов.*

*А вторая - мамина - скромна,
Как и всё в простом еврейском доме,
Да и что нужды в нем было кроме? -
И звучит на идише она.*

*К высшим сферам путь молитв пролег.
Знаю: от дождей укроет хмурых
Мамина - мою, что из сидура²,
Словно в плащ, упрятав огонек.*

*Если будет лютой смерти злей
В лабиринтах звезд мороз вселенский,
Станет полушубком деревенским
Мамина молитва - для моей.*

*Защищая от невзгод в пути,
Освещая в сумраке дорогу,
Идиш, жив пока, иврит до Бога
Верится, поможет донести.*

*Две молитвы, и напева два.
Бог принять готов и тот, в котором
Неразрывна связь с бессмертной Торой,
И земные идиша слова.*

*И пришла суббота в свой черёд,
В доме пахнет яблоком и медом.
Слышу голос мамы: "С Новым годом!"³,
И уверен, добрым будет год.*

Немного сделал я...

*Когда бы маму с головы до ног
Бриллиантами осыпать я бы мог,
Считал бы, сожаленья не тая,
Что для неё немного сделал я.*

*И если б у меня хватило сил,
Для мамы бы дворец соорудил,
Но всё равно, сказать о том могу,
Был и тогда бы у неё в долгу.*

*Ей посвящать стихи я был готов.
Увы, не находил достойных слов.
Но даже и в поэме бы воспел,
Для мамы сделать мало бы сумел.*

Исцеление

*Пять языков в активе есть моем
И, может, два еще со словарем,
Но вот, случится так, что занемог,
И мучает недуг, и валит с ног,
Сухие губы шепчут в полусне:
На идише: "Ой, мама, плохо мне!"
Жива, как будто, мама наяву,
Негромко я в тиши ее зову,
И верю, что она услышит зов
За пеленой высоких облаков,
И скоро, среди маминых забот,
Болезнь, как в детстве, от меня уйдет.
... В постели открываю я глаза,
И катится счастливая слеза,
Опять здоров и полон новых сил,
И знаю я, кто чудо совершил,
Кто мне, как ангел, из туманных грёз
На крыльях исцеление принес.*

Мамино тепло

*Мне помнится, не раз старалась мама
Согреть меня, как шерстяной платок,
Но вдаль меня по жизни путь увлек,
В чужих углах искал тепло упрямо.*

*Плыл в облаках тумана и обмана.
То обжигал, то гаснул пыл страстей,
И грелся у знакомых шинкарей
Я водкой из граненого стакана.*

*Мне память сердца не дает покоя,
Хотя немало лет уже прошло.
Заботливое мамино тепло,
Где ты теперь, не принятое мною?*

*Туда несущая печаль, где жизнь застыла,
Где мама спит давно уж вечным сном,
Но не согреет шерстяным платком
Меня ее холодная могила.*

Эпилог

*И горьких маме слёз хватило,
И боли, и потерь.
Но над землей воспарила,
И легок он теперь,
Простой еврейки из местечка,
В сиянии лучей,
Полет свободный, бесконечный,
Средь звёзд, подобных ей.*

Перевод с языка идиш Фрэдди Зорина

Примечания:

¹Тишрей - месяц начала года в еврейском календаре (приходится, примерно, на сентябрь-октябрь).

²Молитвенник, содержащий молитвы в их ежедневной последовательности, включая особые дни еврейского календаря.

³Имеется в виду тот случай, когда наступление еврейского Нового года, праздника Рош-ха Шана, приходится на вечер с пятницы на субботу.